

LOVE & POLITICS

ЛЮБОВЬ И ПОЛИТИКА

ВЫПУСК №5 МАЙ 2004

ГАЗЕТА НОВОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ “ЧТО ДЕЛАТЬ?”

ISSUE №5 MAY 2004

NEWSPAPER OF THE ENGAGED CREATIVE PLATFORM “WHAT IS TO BE DONE?”

АНКЕТА | QUESTIONNAIRE Ирина Актуганова Irina Aktuganova Екатерина Деготь Ekaterina Degot Кэти Дипвелл Katy Deerpwell Корпорация Любви Love Corporation Ольга Липовская Olga Lipovskaya Елена Петровская Elena Petrovskaya Марта Рослер Martha Rosler Олеся Туркина Olesya Turkina Кети Чухров Kety Chuchrov Елена Здравомыслова Elena Zdravomislova

КОМИКС | “отняв у мира возможность разговора, дружбы, любви, мужчины...”

CARTOON | “Having stripped the world of conversation, friendship, and love, the male...”

Виктор Мазин | Комментарий к анкете

Viktor Mazin | Commentary on the Questionnaire

Петр Быстров – Цапля | Как правильно любить Лену

Petr Bystrov – Tsaplya | Doing Right by Lena

LOVE HISTORY | Алексей Пензин Alexey Penzin–Владислав Софронов Vladislav Sofronov–Оксана Тимофеева Oksana Timofeeva

Артем Магун | Меж пирами любви / Диалог

Artem Magun | Between the Feasts of Love / A Dialogue

Фабрика Найденных одежд | Factory of Found Clothes

Диалог №1 | Глюкля/Наталья Першина/–Дмитрий Виленский

Диалог №2 | Gluklya /Natalya Pershina/–Dmitry Vilensky

Диалог №2 | Цапля/Ольга Егорова/–Давид Рифф

Dialogue №2 | Tsaplya/Olga Egorova/–David Riff

Why is this so important? The original premise: feminism as a means of “liberating” feminine subjectivity. The politics of love. Love and politics. But what is feminine subjectivity? And even more importantly, what is subjectivity at large? What is love? And how can they be connected? Is love limited to sweet intimacy, excluding any third party? The isolated community of two, lost to the world? Or maybe love is a movement that takes you beyond the boundaries of what seemed possible? The disjunctive union of two, asocial to the outer world, moving toward the horizon of the future, to resistance and struggle? Is the political dimension of love rooted in this disconnected excess?

After all of our discussions on subjectivity, on the Other, on Nietzsche, on machismo, on ethics and psychoanalysis, repeated ad nauseum, we came to the conclusion that any subject – no matter whether masculine or feminine – can only be defined pragmatically as a social actor. She or he only becomes you or I (i.e. a subject) when she or he gets up off his-her ass and responds to the world, facing the political challenge of living with others. This *response* is unique. It is articulated through the specific modulations of its *voice*. Without our unique *voices*, you-I-we remain silent victims, but even more importantly, we are ultimately *irresponsible*: we are not engaging the world; we aren’t answering. It is only by *raising our voices* and facing other people *politically* that we can produce subjectivity. Without our *voices*, we will only be producing language, captured in an unanswerable web of secondary meanings, discourses of useless desire.

Irresponsibility (the inability to answer) is anti-subjective, even if it pretends to undertake the hazardous journey to subjectivity’s outer limits. Neither male excess (brawling madly, on a crash course toward breakdown) nor feminine Otherness (whispering silky, shimmering lunar) have anything to do with subjectivity. In the final analysis, their beauty is parenthetical, ultimately autistic, irresponsible. So let’s give it one more try: let’s try to talk about masculine and feminine voices, about feminism, about vulnerability and communism, and maybe, even about love. We’d be so happy if you would respond.

Почему это важно? Первоначальная предпосылка: феминизм как освобождение женской субъективности. Политика любви. Любовь и политика. Но что есть женская субъективность? И, что еще важнее, что есть субъективность вообще? И что есть любовь? И как они, черт возьми, связаны? Любовь - это предельная интимность наслаждения, исключая третьего? Изолированное сообщество двоих, которые потеряны для мира, и для которых потерян мир? Или, быть может, движение, увлекающее за пределы возможного? Размыкающее союз двоих, внешне асоциальный, к горизонту будущего, к сопротивлению и борьбе? И политическое измерение любви как раз и коренится в этом размыкании, в этом избытке?

После всех набивших оскомину дискуссий о субъективности, о Другом, о Ницше, о мачизме, об этике и психоанализе, в итоге мы пришли к тому, что любой субъект – независимо от пола – может быть определен только практически, как действующее лицо. Она и он становятся ты и я (то есть субъектами) только тогда, когда она или он отрывают свои задницы и отвечают на политический вызов жизни вместе с другими. И этот ответ всегда уникален. Наиболее ясно он воплощается через определенные модуляции голоса. Без наших уникальных голосов ты-я-мы остаемся молчаливыми жертвами, но что даже более важно, мы, в конечном счете, оказываемся безответственны: мир существует сам по себе, а мы – сами по себе; мы не отвечаем. Только подняв наши голоса и обращаясь к другим людям, мы можем производить субъективность. Безголосые, мы будем производить только язык, погрязший в сети вторичных значений. Язык, проглотивший язык.

Безответственность (неспособность отвечать) антисубъективна, даже если она выступает под маской доходящей до крайности субъективности. Ни мужской эксцесс (кастетом кроится у мира в черепе), ни женская Инаковость (шепот, робкое дыханье) не имеют никакого отношения к субъективности. Их красота, в конечном счете, аутична, безответственна. Давайте же сделаем ещё одну попытку: давайте попробуем говорить о женском и мужском голосах, о феминизме, уязвимости, коммунизме, политике, и, может быть о любви. И тогда, есть шанс, что мы услышим ответ.

Исторически феминизм был непосредственно связан с анархическим и социалистическим движениями. Именно ему мы обязаны появлению таких ярких фигур как Роза Люксембург, Клара Цеткин, Эмма Голдман и др. В конечном счете, главным успехом социалистического женского движения можно считать политику эмансипации женщин, осуществленную в Советском Союзе после революции. На Западе, многие феминисткие мыслители воспринимали борьбу за половое равенство как самую последовательную стратегию достижения социального равенства и рассматривала феминизм как наиболее радикальную форму левого движения. В дальнейшем политическая борьба женщин привела к активизации широкого спектра “гендерных идентичностей” и сыграла решающую роль в переосмыслении субъективности и понимания Другого. Но в современном мире феминизм превратился в составную часть доминирующей неолиберальной идеологии. При этом сама универсальная стратегия солидарного противостояния патриархату оказывается под подозрением игнорирования широкого спектра различий женщин, живущих в разных локальных, классовых и экономических ситуациях. В посткоммунистической России возможности переосмысления, как феминизма, так и социализма оказались практически исключенными из политической и социальной практики, очерченной патриархальными призывами к “законности и порядку”. Женщинам навязывается статус “праздного класса”, и их экономическая и политическая несамостоятельность является нормой. Либерализация экономики вызвала к жизни новые, наиболее жестокие модели сексуальной эксплуатации. Все это приводит к необходимости критического переосмысления политики феминизма, как в России, так и на Западе.

Какие политические задачи стоят перед феминизмом в современном мире?

Олеся Туркина, Петербург

Феминизм был активизирован в России одновременно с тотальной сменой социальных, политических, эстетических ориентиров в начале перестройки. С одной стороны, это понятие стало тогда одним из модных “брэндов” нового советского человека, стремительно перерождавшегося под воздействием западной демократии, которая принесла в Россию свободу и Тампакс. С другой, феминизм оказался востребованным не только снаружи, но и изнутри как часть интродуцированного западного интеллектуального дискурса. В конце 1980-х одновременно проходили первые феминистские конференции и выставки - в Москве мы сделали совместно с Виктором Мазиным выставку “Текстуальное искусство Ленинграда”, посвященное “вуали” Деррида, а в Ленинграде “Женщина в искусстве”. Также стоит вспомнить акцию раздачи колготок у Медного всадника. Во времена этого тотального микса можно было обнаружить обращение к только что освобожденным из коммунистического плена восточно-европейским “сестрам”, которое я с удивлением услышала на 5 международном конгрессе женщин историков искусства в Гамбурге в 1991 году. Феминизм тогда воспринимался как нечто достаточно агрессивное, завоевательное и, как это не покажется странным, сексуально привлекательное, что вполне соответствовало духу времени. Сексуальность феминизму придавал революционный драйв и бесстрашие. Первая реклама гигиенических средств, шокировавшая публику - она была телесна и познавательно-соблазнительна. Это был эротизм ребенка, внезапно обнаружившего половые различия. В конце 1980-х казалось, что “новые амазонки” бесстрашно и весело разметают остатки советских патриархальных устоев. Однако, к середине 1990-х утопические надежды на феминизм как одну из наиболее действенных (интеллектуальных и политических) сил рухнули. Амазонки были раздавлены машиной потребления, направленной на новую российскую женщину. Рынок длинных ног, пухлых губ, упругих грудей и ягодиц вырос на сотни миллионов бывших советских гражданок. Простодушно понятый капиталистический принцип гласил: инвестируй в свое тело, это самый доступный (и близкий тебе) товар. Появились первые “женские” передачи, в которых Мария Арбатова оппонировала как “традиционным” советским, так и новым капиталистическим ценностям. Однако, в ситуации хаоса, безработицы, жесткой борьбы за выживание, салоны красоты казались более эффективным средством, чем политические демонстрации. Когда произошла политико-экономическая стабилизация, началось новое наступление уже со стороны нового русского патриархального дискурса, которое проходило под рекламным лозунгом “какая умница наша мама”. Умница мама кормит семью бульонными кубиками “Кнор” и стирает порошком “Тайд”, она – идеальный и потребитель, искупающий свою природную фертильность ненасытным потребительским каннибализмом.

Марта Рослер, Нью-Йорк

Специфическая сила феминистской мысли, которая мотивировала меня в моем творчестве, не являлась поиском достижения экономического, и возможно социального, паритета с мужчинами в обществе. Подобный подход оставляет открытой возможность простого переноса проблем женского неравенства на тех, кто находится в более низких классовых или экономических позициях, или же живет в странах с более низким уровнем оплаты труда. Вместо этого, феминизм последовательно требовал широкой реорганизации общества – с тем, чтобы богатство и привилегии не были определяющими факторами ни для тех, кто получает от общества все, с одной стороны, ни для тех, кто вынужден выполнять самые неприятные и низко оплачиваемые работы, с другой.

Елена Здравомыслова, Петербург

В России, и в странах переходной экономики в целом, отмечается не только появление слабых, прежде всего, в политическом смысле феминистских групп, но и дискурсивный откат в сторону патриархата, утверждение архаичных представлений о правильной мужественности и женственности, публичный сексизм, унылое биологизаторство различий между полами, из которого следует оправдание неравенства и проч. Это и есть арена действий нашего феминизма. Особая задача – объяснение того, почему феминизм является таким пугалом для российский интеллектуалов. Почему его так боятся? Почему его так осмеивают? Даже не пытаюсь понять, в чем суть...

Кети Чухров, Москва

Вероятно, эти задачи состоят не столько в равноправии, сколько в трансформации проблемы пола и его вывода из системы бинарной оппозиции. На мой взгляд, у феминизма большое будущее, так как ему удалось затронуть не только гендерную или социально-экономическую, но и онтологическую проблематику. Затронув вопрос о поле женщины, сразу встал вопрос о разных модусах ее со-существования с мужской частью общества. *Есть* ли женщина иное, чем все сущее – вот, наверное, один из основополагающих вопросов феминизма. Ведь женщина всегда была лишь нарративом – она могла быть центральным объектом произведения искусства, но ее онтологический статус как Другого, как бытия Другого, был вытеснен из общественной коммуникации, всплывая лишь в событии любви, которое опять таки могло быть представлено лишь в качестве произведения. Современная постановка вопроса о феминизме не должна сводится к критике мужского или критике женского. Должно произойти новое не-бинарное маркирование коммуникации, и события встречи этих двух полов, в том числе эротических их опций. Не-бинарное не означает однополой или групповой опций коммуникации. Оно означает преодоление фантазматических половых ожиданий от Другого.

Кэти Дипвелл, Лондон

Для меня, как для западной феминистки-социалистки, феминизм является интеллектуальным ресурсом и источником силы. Феминизм имеет отношение ко всем политическим, социальным или культурным вопросам сегодняшнего дня, но прежде всего это форма критического и творческого размышления о позиции женщины в мире, дающая возможность женщинам обрести свои перспективы. Женщины - это 52 % мира. Они обладают интеллектом, остроумием, невыразимой способностью выстоять, они изобретательны, полны творческого потенциала и терпения, но часто им не хватает возможностей, образования и материальных ресурсов (включая деньги) для реализации своих амбиции. На что способны женщины, всё ещё неизвестно. Мы не можем оценить, насколько бы изменилась социальная организация общества, если бы женское воображение преобразовало мир. Множество женщин описало свои стремления к социальным трансформациям и утопические революционные ожидания. При этом существующие женщины в политике, на удивление легко обслуживают социальный порядок, который не они изобрели, и делают это со страстью, убеждением и чудовищными последствиями.

Елена Петровская, Москва

Замечу, что феминизм не прокладывал себе путь под эгидой универсализма. Совсем наоборот. Он всегда уделял первостепенное внимание различию, многообразию различий. Универсализм, понимаемый как событие, – это идея, восходящая к иному толкованию различия и его роли в политической борьбе. Коротко это можно выразить так: зачем нам стремиться к различию, если оно уже существует, если в реальной жизни мы сталкиваемся с множественностью тех же полов, этносов, вероисповеданий и т.д.? А вот то, чего никогда не дано заранее, это, как ни странно, истина, потому что хотя сама по себе она и предполагает всеобщность, но всеобщность эта находится не в начале а, наоборот, в конце: она, всеобщность, требует не больше не меньше, как изменения – если угодно освобождения – самой субъективности. Не думаю, однако, что феминизм призван сегодня решать единые задачи: на авансцену выходят локальные проблемы. В нашей стране, например, феминизм, даже в своих традиционных формах, продолжает оставаться крайне маргинальным и, я бы даже сказала, невостребованным. По-прежнему приходится иметь дело с элементарной дискриминацией женщин, которая плохо прикрыта на всех уровнях социальной жизни. И конечно, самим женщинам, в сугубо практическом плане, предстоит сыграть здесь немаловажную роль.

Ирина Актуганова, Петербург

Феминизм - это судьба. И как бы не менялись обстоятельства нашей жизни и наши внутренние установки, будучи однажды вовлеченным в этот дискурс, ты никогда уже не сможешь игнорировать его. Феминизм - это борьба. И если мы хотим добиться каких-то позитивных целей в общественной и политической жизни - нам не обойтись без его интеллектуальных и политических завоеваний и потенциальных возможностей, без его опыта, наконец. Но конкретно для нас - линия феминистского фронта переместилась в нас самих. Отныне она пролегает в наших умах и сердцах. И есть единственное средство, единственное медиа - культура, языком которой мы надеемся, что можем транслировать все происходящее на этих внутренних фронтах.

Ольга Липовская, Петербург

С позиций западной современной мысли основными задачами феминизма являются: опознание, признание и сохранение многообразия женских идентичностей, как в социально-политических, так и личностных аспектах. Например, различия расовые, этнические, религиозные культурные и т.п. наравне с индивидуальными: телесными, психологическими, сексуальными и т.п. При этом, однако, остается важной прежняя задача – поисков общих для женщин целей в борьбе с доминирующей патриархальной культурой. Это постоянный процесс примирения внешне противоречивых тенденций.

Екатерина Деготь, Москва

Перед феминистскими организациями в России (если уж они предпочитают находиться в своем “грантовом гетто”, а не становиться частью правозащитных) стоит масса политических вопросов (проституция, насилие в семье, статус женщины в исламских регионах...). Важно отделить все это от либерального феминистского дискурса, который в последние годы часто предъявляет то, что я бы назвала “позитивным гендерным расизмом”, когда женщина отождествляется с Другим и тем самым за ней закрепляется статус привилегированной, но жертвы. Так совершаются фундаменталистские высказывания (женщине “по ее природе” свойственны мягкость, забота, интуиция), на основании которых принимаются решения политические (нужно – как сейчас в России - стимулировать ее статус домохозяйки) и интеллектуальные (нужно – как сейчас в американских cultural studies – все “не-другое”, рациональное, в этом понимании “мужское”, запретить, как одностороннее навязывание своей точки зрения).

Корпорация Любви, Исландия

Мы видим феминизм как важнейший инструмент для развития индивидуальности и самосознания. Если люди почувствуют, что они в ответе за свою жизнь, то они воплотят себя полнее во всех сферах. Если бы люди перестали воспринимать себя как жертв, то у них был бы шанс для поиска возможностей влиять на свою среду, а их жизнь наполнилась бы оптимизмом и стала лучше.

Historically, feminism is closely linked to anarchism and socialism. It was feminism that produced such brilliant figures as Rosa Luxemburg, Clara Zetkin, or Emma Goldman, to name just a few. In the final analysis, one can see the politics of woman’s emancipation after the October Revolution of 1917 as this movement’s main success. In the West, many feminist thinkers have understood the struggle for gender-equality as the most consequent strategy for reaching social equality, considering feminism as the most radical form of struggle to come from the Left. By today, the political struggle of women’s liberation has successfully activated a broad spectrum of “gender identities” and played a decisive role in redefining how we consider subjectivity and the notion of the Other. Many varieties of feminism have become an integral part of the dominant neo-liberal ideology. At the same time, the universal strategy of solidarity between all women in resisting patriarchy has been called into question on a fundamental level. There is good reason to doubt the traditional feminist solidarity, which arguably ignores a great many differences between women all over the world.

For an example, in post-Communist Russia, any reworking of both feminism and socialism seems nearly impossible. At present, both forms of resistance to exploitation have been marginalized from political and social discourse, as Russian society voices its reactionary demand for the “law and order”. Women are attributed with the status of a “leisure class”, as their lack of economic and political independence becomes the norm. The liberalization of the economy has given rise to new, especially inhuman models of sexploitation. All of this demonstrates the pressing need for a critical re-examination of feminist politics both in Russia and in the West.

Which political role can feminism play in the contemporary world?

Oleysa Turkina, Petersburg

Feminism was activated in Russian during the early Perestroika, as the social, political and aesthetic orientation-points were shifting totally. On the one hand, the notion of feminism became one of the fashionable “trademark brands” of the new *homo sovieticus*, reborn immediately under the influence of Western democracy, which brought both freedom and Tampax to Russia. On the other hand, it became clear that feminism was not only in superficial demand, but that it was an integral part of the Western intellectual discourse that was being introduced into Russia at the time. In the late 1980s, as the first feminist conferences and exhibitions were taking place, Victor Mazin and I organized the show “The Textual Art of Leningrad” in Moscow, dedicated to Derrida’s “veil”; in Leningrad, we curated “Women in Art”. One might also remember how stockings were given away at the Bronze Horseman, Petersburg’s central monument. In this total mixture, one could also hear invocations like the one that astonished me when I visited the Fifth International Congress of Woman Art Historians in Hamburg in 1991: it was fashionable to address “our Eastern-European sisters”, only recently liberated from Communist captivity. At this point, many saw feminism as something quite aggressive and bellicose. But as strange as it may seem, it was also sexy. This corresponded to an overall feeling that was in the air. The sexuality of feminism conveyed revolutionary drive and fearlessness. Shocking the public with its directness, the first advertisement of hygiene products was very physical and even demonstratively seductive: the eroticism of a child, suddenly discovering sexual difference. In the late 1980s, it seemed that the “new Amazons” were fearlessly and cheerfully sweeping up the leftover principles of Soviet patriarchy. Seen as one of the most effective forces in intellectual life and politics, feminism carried a great deal of utopian hope. Yet by the mid-1990s, these hopes had collapsed. The consumption machine had crushed the Amazons. The new Russian woman was one of the most important target groups. The market of long legs, pouting lips, perky breasts and buns expanded to hundreds of millions of former Soviet citizens. Simple-heartedly, its marketplace resounded with cries of one the most understandable principles of capitalism: invest in your body by consuming beauty products; these products aren’t only the most affordable investment; they are also the products closest to you. The first TV shows “for women” began to appear, where Maria Arbatova opposed both “traditional” Soviet values as well as the new capitalist way of life. But chaos and employment were spreading, and beauty-salons seemed a far more effective means in the struggle for survival than political demonstrations. Politico-economic stabilization, however, has brought on a new wave of Russian patriarchal discourse. It has been taking place under the advertising slogan “our mom’s so smart”. Smart mom feeds the family with chicken-broth cubes by “Knorr” and does the laundry with “Tide”. Mom is the perfect consumer; she redeems her natural fertility by becoming an insatiable consumer cannibal.

Martha Rosler, New York

The particular strains of feminism that have motivated me have not sought simple economic, and perhaps social, parity with males in society because that leaves open the possibility of simply passing along women’s unequal burdens to those who are of a lower class and economic status — or even to other countries where the wage base is lower. Instead, feminism has consistently demanded a broad reorganization of society so that wealth and privilege are not the determinants of who reaps society’s rewards, on the one side, and who must take up its least desirable or lowest paid tasks, on the other.

Elena Zrdavomyslova, Petersburg

In Russia, like in other countries with transitional economies, the emergence of weak political feminist groups runs parallel to the discursive backlash toward patriarchy. This backlash confirms archaic ideas of the rightness of the male and female; its public sexism and its dreary biologizations of sexual difference are followed by the legitimization of inequality. This is actually the arena in which “our” feminism currently operates. Our main goal is to explain why feminism is such a hobgoblin to Russian intellectuals. What are they so scared of? Why do they laugh feminism off so often, without even trying to understand what it’s all about...

Keti Chukhrov, Moscow

The goal is not to achieve simply to achieve legal equality; instead, we need to transform the problem of sex, bringing it beyond the system of binary oppositions. In my opinion, feminism has a great future, since it has proven capable of not only opening discourses on gender and its socio-economic backdrop, but also touches upon an ontological problematique. By asking questions of the feminine sex, feminism also raises questions as to its various modes of co-existing with the masculine part of society. *Is* the woman really an Other in relation to the (masculine) Others? This is probably one of the most fundamental questions that feminism has been able to ask. For the woman has always been no more than a narrative: she could even be the central object of an artwork, but her ontological status of Otherness, as the existence of the Other, was displaced from society’s communications at large, only to surface briefly in the event of love, which, in turn, could only present itself as an artwork. A contemporary reposing of feminism’s question cannot be reduced to criticizing the masculine or criticizing the feminine. Communication needs to be re-marked in non-binary terms, as does the event that occurs when the two sexes meet, even in this meeting’s erotic option. This does not mean that communication needs to become unisexual or purely based in groups. Instead, it means that we need to get beyond the phantasmal sexual expectations associated with the Other.

Katy Deepwell, London

I start from my political perspective as a Western socialist feminist, for whom feminism is a resource and a source of strength. Feminism is not irrelevant to any form of political, social or cultural question today - especially as a form of critical and creative thinking about women’s position in the world to enable women’s perspectives to be heard. Women are 52% of the world. They possess intelligence, wit, untold capacity for endurance, invention, creativity and patience but what they frequently lack are opportunities, advanced forms of education and material resources (including money) to realise their ambitions. What women can produce in the world is still an unknown. Plenty of women have written of their aspirations for social change and their utopian hopes for revolution on a macrocosmic and microcosmic level. Yet, the women leaders we have had in the world have suprisingly come largely from the right of politics, and their role has been to maintain and expand a social order which they did not invent, and this they have done with passion and conviction and very negative consequences.

Irina Aktuganova, Petersburg

Feminism is fate. No matter how the circumstances of your life or your inner attitudes develop, feminism is something you can never ignore, once you have been drawn into its discourses. Feminism is struggle. And if we want to reach some positive goal in society and politics, we cannot make do without its intellectual and political successes, its potential possibilities, and, in the final analysis, without its experience. More concretely, for us, the feminist frontline has shifted, becoming internal. Hence, it runs through our heart and our minds. Our only hope for transmitting all that occurs on this inner line-of-conflict, our only means, our only medium is culture.

Elena Petrovskaya, Moscow

I must note that feminism has never paved its way under the aegis of universalism. Quite on the contrary, feminism has always emphasized the multiplicity of differences. As an event, universalism is an idea that stems from an alternate interpretation of difference and its role in political struggle. To be concise, one could express this as follows: why should we strive for difference if it already exists, if we encounter such a great variety of genders, ethnic identities, faiths etc.? As strange as it may seem, the truth is what is never given in advance, which is why it demands universality. Yet this universality does not come first but last: universality demands nothing more and nothing less than a change – a liberation, if you will – of subjectivity itself. However, I do not think that it is feminism’s contemporary vocation to fulfill universal goals: instead, local problems usually take center-stage. In our country, for an example, even traditional forms of feminism are still extremely marginal. I would even say that they are unwanted. As ever, one must bear the burden of the elementary discrimination against women, which is but poorly camouflaged on all layers of social life. This means that women themselves will need to play no small role if they are ever to face the purely practical side of these issues.

Olga Lipovskaya, Petersburg

Seen from the vantage of contemporary thought from the West, feminism’s goal can be summarized as follows: the discovery, recognition and preservation of the multiplicity of feminine identities, in all of their socio-political aspects and their variation of identity. Racial, ethical, religious or cultural differences are just as important as individual aspects: differences of the body, of psychology, or of sexuality and so on. However, it is also feminism’s aim to search for common goals for women in struggling with the dominant culture of patriarchy. The results is a continual process of mediation between two tendencies that would seem to contradict one another.

Ekaterina Degot, Moscow

Even if they prefer to remain in their “grant ghetto”, failing to become civil-rights-activists, Russia’s feminist organizations face a mass of political questions such as prostitution, family violence, the status of women in Islamic regions etc. Today, it is paramount to differentiate all of this from the discourse of feminist liberalism, which has displayed what I would call “positive gender racism” throughout recent years: the woman is equated to the Other, thus confirming as a privileged victim. This gives rise to fundamentalist statements (a woman is soft, caring, intuitive etc. “by nature), which, in turn, form the basis of political decision-making: in contemporary Russia, it is politically necessary to stimulate the woman’s role as a housewife by decree, for an example. They also form the basis for intellectual decisions: in American cultural studies, it has become necessary to prohibit anything that is not marked by “Otherness”, anything rational or masculine, condemning it because of its one-sided point of view.

Love Corporation, Iceland

We see feminism as a strong tool to strengthen individualism and self-confidence. If people feel that they are in charge of their life they function better in all ways. If people stop looking at themselves as victims but start to figure out ways to control their surroundings and their lives everything becomes more optimistic and better.

- Life in this society is, at best, an utter bore...
- Because not one single field of the society we live in has anything to do with women

- I'm completely egocentric, trapped inside himself, incapable of empathizing or identifying with others, of love, friendship, affection, or tenderness, am I?
- You're a completely isolated unit, incapable of rapport with anyone

- What did you say?
- Only those capable of absorption in others can be charming!!!

- You're a half-dead, unresponsive lump, incapable of giving or receiving pleasure or happiness

Какие стратегии солидарности между женщинами с различным классовым, национальным, этническим, происхождением возможны сегодня? Или же лучше отодвинуть на второй план различия между мужчинами и женщинами, занимаясь иными (классовыми, политическими, экономическими) формами универсализации?

Елена Здравомыслова, Петербург

Я не считаю, что есть смысл давать однозначный универсальный ответ на вопрос, что предпочтительнее - приоритет женской солидарности или иной статусной солидарности. Я думаю, что солидарность “пульсирует” в зависимости от социальной проблемы. Я думаю, что она подспудно существует и актуализируется, когда появляются для этого соответствующие поводы. Я сразу чувствую солидарность в том случае, если женщинам – по признаку пола - запрещают петь на сцене в какой-то стране, если слышу, как оправдывается изнасилование, если узнаю, что учитель в школе объявляет во всеуслышанье, что девочки от природы глупее, если выясняю, что где-то в Центральной Азии девушек не пускают учиться в вузы... Однако, очевидно, что в иных контекстах актуализируется другая идентичность – поколенческая, классовая и прочая.

Марта Рослер, Нью-Йорк

Феминизм настаивает на важности целого ряда социальных “становлений”, или процессов преобразования, а не просто на улучшении положения женщин. Феминизм действительно уже сделал возможным признание прежде “невидимых” форм субъективности и позиций Субъекта. Этот процесс, в свою очередь, выходит за рамки основополагающей гендерной проблематики, подводя к признанию постколониального “Другого” вообще. Необходимая солидарность женщин перед лицом патриархата, таким образом, является только частью процесса, с которым мы сталкиваемся сегодня: все возрастающее различие между доходами в разных частях мира и увеличение скорости неимпериалистической “глобализации” рабочей силы, включающей в себя увеличение сексуального рабства, которое основано на перемещении женщин и детей через границы между развитыми странами Севера и Запада и прежнего Восточного блока и так называемого Третьего мира. Феминистки традиционно включали в свою повестку дня положения, которые касаются наиболее бедных женщин (и детей), предоставляя им возможность озвучить свои требования и тревоги. Это та форма солидарности феминисток, которую я признаю, она не является ни редукционистской, ни универсализирующей. В то же самое время, я твердо верю в универсальное право человека настаивать на том, чтобы социальные практики в “традиционных” обществах, отличных от моего, уродующие женщин, такие как удаление клитора, обрезание гениталий, ношение паранджи, выдача замуж детей и другие ужасы не воспринимались как местные обычаи, достойные молчаливого принятия. Скорее, их надлежит исследовать как тягостные обычаи, препятствующие развитию женщин в этих обществах. В отличие от религиозных миссионеров и высокомерных “цивилизаторов” здесь необходимо проявлять уважение к точке зрения местных женщин, к предполагаемым ими самими решениям, нужна длительная работа бок о бок с ними для изменения ситуации.

Кети Чухров, Москва

Если говорить о сегодняшней России, думаю, что, никаких. Как это ни парадоксально, но в советское время таких возможностей было больше. Во всяком случае, женщина хоть и была второстепенным звеном социума, но существовала модель универсализации – “советский человек”, - которую она могла разделить с мужчиной. Сейчас символической моделью равенства выступает бизнес, т.е. денежная составляющая. Считается, что именно в постперестроечный период женщина получила независимость, право распоряжаться собой, право показать свою предприимчивость. Все это, безусловно, так. Но если исследовать

исток начального капитала в женском бизнес-мире, то вполне вероятно, что начальный капитал окажется *даром*, причем даром от мужчины, сделанным женщине вовсе не как бизнес партнеру, а в силу ее половых характеристик. Иначе говоря, женский бизнес в нашей стране все еще эротизирован. Поэтому даже на деловом поприще женщина скорее утрирует свои женские качества и рассматривает другую женщину как соперницу. В такой ситуации о солидарности, тем более женской, и говорить не приходится.

Кэти Дипвелл, Лондон

Как и любые коалиции, любое сотрудничество основывается на взаимном уважении и доверии, которое не могут разделить те, кто полагает, что потребительский неолиберальный капитализм - это самое совершенное политическое и социальное устройство общества. Без доверия между женщинами, независимо от их происхождения, образования, возраста, сексуальной ориентации, и т.д, женщины будут неспособны вместе выработать никаких новых идей.. Женщины в целом являются мощной составляющей множества политических и социальных движений. Женщины всегда надеются, что эти движения освободят и их, но они всегда горько разочаровывались тем пренебрежением, которое демонстрировали их коллеги мужчины, с их постоянными оговорками о том, что “большая” борьба есть единственная цель, а женское освобождение и его требования составляют лишь незначительную проблему, которая будет решена после революции.

Ольга Липовская, Петербург

Поиск стратегий солидарности - длительный и постоянный процесс. Он происходит в рамках международных организаций, информационного обмена между социальными и политическими группами женщин в мире, требует использования ресурсов крупных международных институтов. Ярким примером такой солидарности может служить разветвленная международная организация матерей, потерявших своих детей солдат на войне - “Женщины в черном против войны” - проводящая регулярные акции протеста и поддерживающая женщин в разных странах, таких как Израиль и Палестина, Сербия и Хорватия.

Екатерина Деготь, Москва

Дискурс “Другого” во всех вариантах (синтетически-деконструктивном, реабилитационном...) принес вред. Другого не существует. Что нам сейчас нужно, это восстановление в правах универсального героического субъекта - не андрогинного, а абстрагированного от гендера (как и этноса). Это абстрагирование НЕ означает совпадения с “мужским”. Люди, которые определяют себя в первую очередь в качестве “мужчины” или “женщины”, не понимают, что это не более важно, чем врожденная болезнь вроде астмы или заикания, которая обуславливает границы наших возможностей, и которую надо принять, но не более того. Солидарность между женщинами разных классов и этносов возможна и необходима в той же мере, как солидарность между больными. Именно в больнице это лучше всего и происходит.

Корпорация Любви

Уважение и творческий диалог между женщинами, различными по своему происхождению - это главное. Нужно беречь любую индивидуальность и специфические качества, вытекающие из самых разных социальных ситуаций. Люди должны общаться друг с другом, чтобы больше узнать о жизни. Идеал – это мужчины и женщины, сотрудничающие вместе.

- I don't have penis envy...
- Let THEM have pussy envy!

- Screwing is a desperate, compulsive attempt to prove he's not passive, not a woman.

- He spends his life attempting to complete himself, to become female...
- Yeah. Emotional strength and independence, forcefulness, dynamism, decisiveness, coolness, objectivity, assertiveness, courage, integrity, vitality, intensity, depth of character, grooviness, etc.

- Because of his obsession to compensate for not being female combined with his inability to relate and to feel compassion
- The male has made of the world a shithpile.

Which strategies of solidarity between women of different social, national, and ethnic backgrounds are possible today?
Or is it better to shift our focus from the differences between men and women in order to address different universal features, such as political power-relations or social class?

Elena Zdravomyslova, Petersburg

I don't think that it makes much sense to supply a universal answer to the quesiton of whether to give a priority to feminine solidarity or to any other kind of status-solidarity. I feel that solidarity "pulsates" in dependance of the social problems at hand. I immediately experience solidarity when women are prohibited from singing on a stage in some country because of their sex, when I hear people legitimizing rape, when I find out that a schoolteacher announces that girls are – by nature – less intelligent than boys, when girls are deprived of the chance for higher education some place in Central Asia... However, other contexts will activate other aspects of identity, leading to the solidarity of class, age etc.

Martha Rosler, New York

Feminism insists on the importance of a series of social "becomings" or processes of transformation rather than simply an improved status for women. Feminism, it is true, has already potentiated the recognition of previously "invisible" subjectivities and subject positions, a process that, in turn, has gone beyond the crucial questions of gender to also allow for post-colonial recognitions of the Other. The necessary solidarity of women in the face of patriarchy, thus, is only part of the story, in the face of growing income disparities in every area of the globe and the rapid pace of neo-imperialist "globalization" of labor, including the increase in sexual slavery that sends women and children across borders to the developed North and West from the former East Bloc and the so-called Third World of the global South.Feminists have traditionally included demands that affect poorer women (and children) as part of their agenda, providing a place for those women and children to voice their own concerns and provide testimony and make demands. This is the feminist solidarity that I recognize, not a reductively universalizing one. At the same time, I believe enough in universal human rights to insist that social practices in "traditional" societies (or social sectors) other than my own that damage women, such as genital cutting and mutilation, or purdah, bride burning, child marriage, and other horrors, should not be treated as local customs worthy of silent respect but rather should be investigated as onerous customs that impede women in those societies. Unlike religious missionaries and arrogant "civilizers", what is required here is a respect for the opinions of indigenous women as well as their suggested solutions, and a long-term commitment to working with them for change.

Keti Chukhrov, Moscow

Are there any chances for feminine solidarity in contemporary Russia? I don't think so. As paradoxical as it may sound, such possibilities were far more frequent during the Soviet period. In any case, even if the woman was a secondary part of society, the universalizing model of the *homo sovieticus* was still in effect as something she could share with men. Today, business (i.e. finance) serves as the symbolic model for reaching equality. Some say that during the post-Perestroika period, women received their independence, along with the right to self-determination and the right to display their own inventiveness. All of this may be true. However, if one examines the sources of the start-up capital in the feminine business-world, one sees that this capital was probably a *gift*, and what's more, a gift presented by a man to a woman on the strength of her sexual characteristics and not her qualities as a business partner. To put it differently, woman's business in Russia is still highly eroticized. In professional life, women are likely to exaggerate their feminine qualities, viewing other women as competitors. In this situation, there can hardly be any talk of solidarity as far as women are concerned.

Katy Deepwell, London

Do I believe that women can work together for social change and that solidarity and political and social alliances are possible? Certainly, but like any coalition, such co-operation relies on mutual respect and trust, which patriarchy and women who believe that the current political and social arrangements are the best (ie neo-liberal consumer capitalism) do not value. Without trust and mutual respect between women, regardless of their background, education, age, sexual orientation, etc, women will be unable to work together for any form of change. Is gender enough to form such coalition? For me, this depends on the problem and the skills in organising a campaign or a movement for social change. Women collectively have supported so many political and social movements as strong factions: as abolitionists, Cuban rebels, in nationalist liberation struggles, in many civil rights movements. Women have hoped these movements would free them but they have always been bitterly disappointed by the low regard in which their male colleagues held them and their constant complaint that the "larger" struggle was the only goal and women's liberation or demands constituted a minor issue to be resolved after the revolution.

Olga Lipovskaya, Petersburg

Searching for strategies of solidarity is an extensive and continual process. It takes place within the framework of international organizations and through the exchange of information between social and political groups of women all over the world. This exchange uses the resources of big international institutions. An especially striking example of this kind of solidarity can be found in the anti-war organization "Women in Black". Aside from regularly staging protests, its members support one another in different countries such as Israel and Palestine, or Serbia and Croatia etc.

Ekaterina Degot, Moscow

The discourse of the "Other" has been very harmful in all of its variants, be they synthetic-deconstructivist or rehabilitational. The Other does not exist. What we need today is a reassertion of the subject's universal heroism, not as androgyny, but as something abstracted from gender (and ethnos). This abstraction DOES NOT mean any coincidence with "masculinity". People who identify themselves as to whether they are women or men fail to understand that this status is no more important than a congenital illness like asthma or stuttering: it simply conditions the bounds of our possibilities; it is something to be taken into account, but little more. Solidarity between women of different social or ethnic backgrounds is possible and necessary in the same measure as solidarity is necessary between the ill. Incidentally, there is no place better suited toward such a solidarity than a hospital.

Love Corporation, Iceland

Respect and creative dialogue between women of different backgrounds is the key. All individual characteristics and peculiar wisdom of different social backgrounds should be cherished. Or is it better to shift our focus from the differences between men and women in order to address different universal features, such as political power-relations or social class? People should talk to one another with a focus on learning more about life. Man and woman working together is the ideal.

- If men were wise they would seek to become really female!
- Yeah, right!

Феминизм предполагает равенство. Однако в современном мире женщине, для того чтобы быть равной, необходимо перенять мужскую модель поведения. Ей нужны властность, агрессивность, самолюбие и т.д. Таким образом, другие важные человеческие качества, такие как терпение и способность понимать другого, оказываются ненужными. Они вытесняются на периферию, в приватную сферу; переживаются обществом как никому не нужная слабость. Но женщине часто не хочется становиться субъектом. В России женщины выработали свои комфортные практики манипуляции и достижения своих целей, за счет игры своей “слабостью” и беззащитностью. А мужчина? И он по-настоящему несвободен в своём мачизме. Настоящее освобождение должно затронуть их обоих! Думаете ли вы, что качества “слабости” отомрут как ненужные?

Ольга Липовская, Петербург

Качества “слабости” лишь условно относятся патриархальной идеологией к женщинам. Властность и агрессивность, самодостаточность присущи людям обоих полов, просто культурная гендерная дихотомия способствует различным сценариям формирования этих качеств у девочек и мальчиков. Проще говоря, агрессия мальчика, его самореализация, поощряются, а у девочки подавляются. Согласно, что процесс освобождения как раз и должен затрагивать оба пола, и он до известной степени развивается в скандинавских странах или в Германии, где осуществляются социально-демократические или либеральные версии развития общества. То есть мы имеем примеры большего участия мужчин в заботе о близких, уходе за детьми и большего представительства женщин в структурах власти, что, я уверена, является одним из факторов успешного социально-экономического развития этих стран.

Елена Петровская, Москва

Не стоит противопоставлять слабость и силу. Поступая так, мы невольно субстантивируем слабость, делаем из нее разновидность присутствия (в философском смысле). Но слабость относится к иному плану – тому, где нет объективаций, где происходит лишь перераспределение сил. На философском жаргоне этот план называется планом имманенции. Слабость тем и хороша, что, не становясь политикой, то есть фигурой власти, она бросает вызов иерархиям, именованию, на социальном языке – успеху. Слабость – это форма жизни в обход существующих авторитетов, в том числе и пресловутого ролевого разграничения полов. Слабость – это не “женское”, если под последней понимать лишь гендерно окрашенный признак. Ненасилие – вот известная нам разновидность слабости, более того, слабости, ставшей политической. Но даже в качестве политики ненасилие всегда вызывает массу вопросов, потому что в нем, а шире – в слабости, нет никакой телеологии. Позитивный недостаток цели, целеполагания, отсутствие притязания на власть – вот что такое слабость. А не просто род “беззащитности” перед лицом “мужской” агрессии.

Олеся Туркина, Петербург

“Мужчина не может быть свободен, пока не освобождена женщина”. Эти слова Мао Цзедунa кажутся мне актуальными как никогда. В современном постиндустриальном обществе нет необходимости разделения обязанностей на “мужские” и “женские”. Новые технологии на производстве, не требующие от работника специфически мужских качеств, и насыщение “домашнего” очага умными машинами, выполняющими домашнюю работу, должны были навсегда избавить нас от патриархальной модели – мужчина добывает средства пропитания, женщина его обслуживает. Однако, несмотря на то, что редко кто отождествляет свою возлюбленную с домработницей, женские журналы убаюкивают нас сказками об идеальном союзе, в котором “женские обязанности” сводятся к заботам о соблазнительности своего тела (маски, ароматические ванны, массажи, средства для похудения...) и уютности “гнезда”, пропитанного запахом ванильных булочек.

Марта Рослер, Нью-Йорк

Мое краткое и, возможно, поверхностное наблюдение за постсоветской Россией говорит о том, что раньше женщинам было разрешено (или навязано) Советским государством участие в процессе производства, но в то же время им не позволялось развивать свой собственный политический, социальный и культурный потенциал. Точно так же “производственное” государство не замечало элементов

“частной жизни”, которые оставались в реальности сугубо женской областью, включая как социальные задачи, так и биологические процессы, присущие женщинам. Потребность привлекать сексуальных партнеров привела к скрытому спросу на косметику, одежду и поведение, которые уже давно стали частью женского маскарада на Западе. Отсутствие широкой информации о сексе и регулировании рождаемости, кажется, сохраняет притворную стыдливость и народные представления всего населения и приводит к желанию освобождения тела из сферы государственного контроля – к его очевидной “деполитизации”. Символическая ценность обнаженного тела как очищенного от государственных и гражданских требований стимулировало массовое восприятие порнографического образа женщины как мужчинами – потребителями порнографии, так и самими женщинами, которые оказались под воздействием идеалов, пропагандируемых женскими западными журналами и косметической промышленностью, предлагающими те же самые порнографические решения. У левых давно уже стало общим местом, что Рокфеллер (читай: самый богатый из богатых) – такой же заложник классового неравенства, как и беднейший человек в капиталистическом обществе, поскольку в нем все в равной степени неспособны к полноценному выражению своей человеческой природы. Вскоре женщины стали говорить то же самое о мужчинах и их положении в обществе, где существует конкуренция полов. А именно, что требование “мужественности” подавляет многие человеческие качества – такие, например, как сотрудничество, сочувствие и даже способность горевать, которые делают жизнь более насыщенной и обогащают общество. Другими словами, строгое половое различие, базирующиеся на жестких (и иерархических) моделях, дает преимущество одной модели и ведет к отождествлению социальной власти с ролью, которая успешно демонстрирует требующееся подавление других особенностей. Женщины должны напоминать обществу о том, что тотальное потребительское отношение наносит ущерб не только женской идентичности и её производительному потенциалу, но также полностью отравляет любые формы творчества.

Елена Здравомыслова, Петербург

Понимание другого, способность осуществлять эмоциональную работу, умение слушать – это слабость? Или сила? Если эту работу никто не будет выполнять, то вместо человеческого существования мы получим фабрику роботов... Однако эти качества - ресурсы могут стать скрытым объектом манипулирования в том случае, если они объявляются второсортными, если они не ценятся, не вознаграждаются по заслугам. Комфортные практики используют мужчины равно, как и женщины. Их используют все подчиненные, все уверенные в том, что их подавляют, все внутренне готовые к репрессии. Такие тактики – дают возможность добиться своего в том обществе, где Вас не слышат иначе...

Кети Чухров, Москва

Качества слабости (vulnerability) не могут отмереть, ибо это не половые качества, а психофизические состояния. Тем не менее, слабость может использоваться как символическая категория в целях манипуляции, как со стороны женщины, так и со стороны мужчины. Если говорить о России, то феминизм неприемлем не только для многих мужчин, но в первую очередь для женщин. Ибо мужчина для женщины является одним из, возможно начальных, этапов ее становления, как экономического, так и социального. Интересно, что даже когда это номинально не так, женщина не может отказаться от своего фантазма, в котором она выступает объектом, ждущим от мужчины некоего

бескорыстного дара. Коррумпированность подобного положения вовсе не в ожидании такой “подачки”, а в том, что женщина ждет этого дара от имени своего пола, она не в состоянии отделить свою *персону* от половых проекций. Иными словами, персональное самоопределение женщины основывается на культивации ее половых признаков, они являются двигателем ее персональной семиотической машины.

Екатерина Деготь, Москва

Терпение, мягкость, сентиментальность и т.п. не являются типично женскими качествами. Доказанные биологические различия между женщиной и мужчиной касаются доминирования того или иного полушария мозга – у женщин чаще доминирует левое, отвечающее за вербальность и логику, а у мужчин правое, отвечающее за пространственную ориентацию, эмоции, интуицию и креативность. То есть биологически все ровно наоборот, но накладываются культурные стереотипы (продиктованные исторически сложившимся разделением труда), которые вынуждают женщину стараться “не быть слишком умной”, а мужчину скрывать эмоции. “Открыть скрытое Другое в себе”, возможно, полезно в психологическом плане, но как культурное требование (а оно постоянно озвучивается) оно навязывает человеку нереальный идеал “андрогинной всесторонности” и становится источником фрустраций, а то и насилия (в современном обществе – над мужчинами, которым не разрешают мочиться стоя и т.п.). Кроме того, не думаю, что слабость и “стремление понимать другого” считаются в современном обществе ненужными. Напротив, терпимость стала нормой, а радикализм и уверенность осуждаются как проявление “тоталитаризма”. Достаточно сказать “я считаю так-то и так-то”, и вас немедленно обвинят в большевизме. В обществе возобладало то, что это общество считает “женским”, но под реакционным лозунгом “женщины тоже люди”. Как и на политической сцене, привилегировается жертва, и с той целью, чтобы эту роль жертвы навязать сильнее. Искусству привилегирование слабости нанесло в последние лет десять огромный вред. В эссеистике мы имеем вялое письмо, в котором “сексапильная” витиеватость маскирует неспособность думать (кстати, так чаще пишут мужчины). Выставки наводнены произведениями не сделанными, формально и интеллектуально беспомощными, которые предъявляются под тем предлогом, что “слабое тоже имеет право на жизнь” и, главное, “жизнь тоже имеет право на жизнь”. Все это напоминает мне радикальные направления экологизма, которые рассматривают йогурты как существа, имеющие права. Мне кажется, мы все стосковались по произведению как героюству, по такому, которое представляло бы собой взрывное событие, разрезающее время, по такому, где прорывалась бы истина - и я отказываюсь признавать эти качества “мужскими”. Искусство есть познание, интеллектуальная деятельность, взлет над жизнью, и в этом и состоит свобода. А тонкие чувства значительно более похвально проявлять в быту.

Корпорация Любви

Феминизм борется за равенство, но не за однородность. Политика чувств чрезвычайно важна и не должна подавляться. Если Вы не стесняетесь выражать ваши чувства в здоровой манере, это заставляет Вас чувствовать лучше и сильнее.

Feminism strives for equality. But when a woman attempts to reach equality in the contemporary world, she will often adopt a male model of behaviour, becoming forceful, aggressive and conceited. Suddenly, a great number of important human qualities such as patience and the ability to understand the Other appear irrelevant. They are displaced onto the periphery and hidden in privacy; society is apt to experience them as completely unwanted forms of weakness. If this is subjectivity, then many women would prefer not to become subjects. In Russia today, we can clearly see in how far women have been successful in developing their own manipulative practices in order to reach their goals by playing with their “weaknesses” and their vulnerabilities. And men? Even they are hardly free in all their machismo. Real emancipation must free both sexes!

Do you feel that qualities like “vulnerability” will die out as unnecessary capacities?

Olga Lipovskaya

The quality of “weakness” is no more than a part of patriarchal ideology as far as women are concerned. Opposed to dominance and aggression, qualities that are self-evident in people of both sexes, weakness is part of a gender-dichotomy that facilitates different paths of forming these qualities in boys and girls. To simplify, the boy’s aggression is condoned and even encouraged as self-realization, while the little girl’s aggression is repressed. I agree that emancipation should concern both sexes; as a process, it is indeed taking place in developed regions or countries like Scandinavia or Germany, where the social-democratic or liberal models of society have been realized. As a result, we know many examples of how men are more actively involved in caring for their loved ones or their children, and of how women are represented in society’s power structures. I am convinced that this is one of the factors that determined the successful socio-economic of these countries to date.

Elena Petrovskaya, Moscow

It makes little sense to oppose weakness and strength to another. By doing so, we involuntarily substantiate weakness, transforming it into a variety of presence (in the philosophical sense). But weakness is actually related to a different situation, namely to a situation in which objectification fails to take place, where there is only a redistribution of power. In philosophical jargon, we call this the situation of immanence. Weakness is good in that, in failing to become political (i.e. a figure for power), it present a challenge to the hierarchies that social language calls ‘success’. Weakness is a way of life that circumvents the powers-that-be, which include the much-cited bounding of gender-roles. Weakness does belong to femininity, especially if one understands the latter as a quality color-coded by gender. Non-violence is a well-known variety of weakness; furthermore, it is weakness recast politically. But on the other hand, the politics of non-violence are highly questionable, because they – and more broadly, weakness – do not contain any form of teleology. Weakness means the positive absence of goals, of goal-acquisition, and of the pretence to power. In this sense, weakness is not simply a form of “defenselessness” in the face of “masculine” aggression.

Olesya Turkina, Petersburg

“Men can only be free if women are free.” Today, this famous axiom by Mao Tse-tung seems more current than ever. Contemporary post-industrial society no longer requires the division of responsibility according to “male” and “female”. The new technologies of the post-Fordian production line no longer require specific “male” qualities of the worker; “house and hearth” have been saturated with smart domestic appliances capable of executing all forms of domestic labor. These innovations were supposed to liberate us from the model of patriarchy, in which the man earns a living while the woman serves him. Nevertheless, notwithstanding the fact that men only rarely equate their lovers to housewives, woman’s journals cradle and lull us with their bed-time-stories of a “perfect union”, in which “feminine duties” are reduced to making the body seductive (with skin-creams, scented baths, massages, or diet pills...) or to producing the “nest warmth” of the home, suffused by the aroma of fresh-baked vanilla pastry.

Martha Rosler, New York

My brief and perhaps superficial observation in post-Soviet Russia was that women were, by and large, allowed or forced by the Soviet State into the production process but not allowed to develop political, social and cultural power. Similarly, the productivist state was blind to the elements of “private life” that were in effect women’s domain, including not only social tasks but also the biological processes particular to women. The need to attract sexual partners or mates on the basis of appearance led to a pent-up demand for the cosmetics, clothing, and behavior that were long a part of the women’s masquerade in the West. The withholding of good information about sex and birth control seems to have preserved the prudery and folk beliefs of the general population and led to a yearning for the apparent freeing of the body from the purview of the state—its apparent “depoliticization.” The symbolic value of the naked form as one purged of the demands of citizenship helped fuel the wholesale adoption of pornographic representations of women by the male consumers of that pornography and also provided ideals for women to aim to achieve (especially since Western women’s magazines and cosmetic manufacturers posed essentially the same solutions as the pornographic ones). It was long a truism of the Left that Rockefeller (read: the richest of the rich) is as much a prisoner of class inequality as the poorest person in a capitalist society because of the inability of the individual to express his human powers fully. Women soon pointed out the same about men in a gender-riven society, namely, that the demands of “manhood” require the suppression of many human qualities and behavior—cooperation, empathy, even the

ability to grieve, for example—that enhance individual lives and enrich society. In other words, strict gender differentiation with rigid (and hierarchical) models privileges one model and leads to the identification of social power with the role that successfully exhibits the requisite trait suppression. Women need to be the ones to remind society that the commodification of everything damages not only women’s identities and cripples their productive potential but also poisons the well of all forms of creativity. The price paid by all of society is the complete demotion, in favour of popular culture, of the artistic and literary forms that seemed to sustain so much of the human element of Soviet society during the depths of Stalinism and beyond.

Elena Zdravomyslova, Petersburg

Understanding the Other, the ability to perform emotional labor, the ability to listen: are these weaknesses? Or strengths? If no one were to do this form of work, we would soon be left with nothing but a factory of robots in place of humanity... However, these qualities-resources can become hidden means of manipulation whenever they are declared as secondary, when they are not valued and rewarded according to achievement. Both men and women use the manipulative practices that you describe. Furthermore, they are used by underlings and all of those who are sure that they will be put down and shut up. The tactics of manipulation allow you to reach your goal in a society that will fail to hear you otherwise.

Keti Chukhrov, Moscow

The qualities of vulnerability cannot die, since they are not sexuate qualities but psychological states. Nevertheless, weakness is a symbolic category well-suited to manipulative use by both women and men. In Russia, feminism is not only unacceptable to many men, but also seems intolerable to many women: men actually represent one of the most important stages of a woman’s formative process in both economic and social terms. It is interesting that – despite all of the nominal improvements – the woman is not capable of refusing her own phantasm, even (or because) it makes her an object, waiting for the man to present her with some selfless gift. This situation’s corruption does not lie in its expectation of such “alms”, but in that women come to expect this gift in the name of their sex; they are incapable of separating their *persona* from its sexuate projections. In other words, the woman defines herself by cultivating her sexuate traits. Her sex is the motor of her personal semiotic machine.

Ekaterina Degot, Moscow

Tolerance, softness, sentimentality etc. are not typically feminine qualities. Instead, the proven biological difference between women and men lies concerns the dominance of this or that hemisphere of the brain; left-hemisphere dominance and the resulting propensity for language and logic is actually more common than among women, while men’s brains are often dominated by the right hemisphere (spatial orientation, emotion, intuition and creativity). So in terms of biology, everything is actually the other way around. However, culture superimposes its own stereotypes (projected and confirmed through the historical division of labor), forcing women “not to be too smart” and men to hide their emotions. Discovering “the hidden Other in you” may be beneficial in the psychological sense, but as a cultural demand (resonating constantly), it imposes the unreal ideal of “androgynous all-roundness”, becoming source of frustration and even force (such as the force that prohibits men from urinating while standing up etc.) Also, I do not think that contemporary society disqualifies weakness and “the attempt at understanding the Other” in any way. Quite on the contrary, tolerance has become the norm, whereas radicalism and certainty are condemned as outbreaks of “totalitarianism”. As soon as you say “I think this or that”, people will already be accusing you of being a Bolshevik. Social life is dominated by those qualities that society itself sees as “feminine”, but this change has taken place under the slogan of “Women are also people”. As on the political stage, the victim is given certain privileges, so that the role of victim is easier to impose. During the last decade, art that privileges vulnerability has done a great deal of damage. Today’s essayism, for an example, confronts us with lots of lame writing whose “sexy” flowery style masks its authors’ inability for thought - men write like this more often than women, by the way. Contemporary exhibitions are flooded with pieces that have not been ‘made’: they are formally and intellectually helpless, shown under the auspices that “the weak also have a right to life”. All of this reminds me of radical ecologism, which sees yogurt as a form of life with rights. It seems to me that we have come to long for the artwork as a display of heroism, an explosive event, rupturing time, giving rise to the truth. These qualities are not “masculine”. Art is cognition, intellectual activity, flying above life. This is what freedom is all about. Subtle feelings are good for everyday life.

Love Corporation, Iceland

To us, feminism strives for equality but not uniformity. The politics of feelings are super-important and should not be suppressed. If you feel free to express your feelings in a healthy manner, it makes you feel better and stronger.

Или же возможна некая революционная политика слабости?

Корпорация Любви, Исландия

Любое художественное выражение есть производство уязвимости, при этом оно способно воссоздавать универсальный человеческий опыт на личном уровне. Говорить правду - это революционный акт, и так было всегда.

Елена Здравомыслова, Петербург

Конечно красивые слова... Ревполитика слабого пола? Демонстративная слабость гейш и шпионок. Слабость как подрывная стратегия? Женщины, которых номинировали на статус представительниц слабого и прекрасного пола, либо отрекаются от слабости, выступая с эмансипационными претензиями, либо, признавая себя слабыми, выдвигают лозунг “Ты голова – а я шея”...

Кети Чухров, Москва

Революционную политику и вообще любой протест можно строить через любую знаковую модель, в том числе и через образ слабости, но это не будет слабость женщины. В противном случае мы не будем иметь дело с политикой. Боюсь, что

политика намертво выжигает пластику женского, и не потому что она учреждает мужское. Политика не терпит интимный или жертвенный образ Другого. Ведь жертва а-политична. Здесь конечно приходит на ум образ Антигоны. Совершает ли она захоронение братьев по политического или родовому зову. Является ли ее протест политическим, или это - попытка экстраполяции женской сущности, бытового феминизма, который испокон веков реализовывался в рамках ритуала? Что касается революционности, то ее можно разыгрывать только через конфликтное становление некоего качества, но не через стратегические методы ре-политизации. Это может быть становление слабым, животным, женщиной, бомжом и т.д. Политика слабых – это конечно оксюморон.

Ольга Липовская, Петербург

Я предпочла бы оперировать здесь не понятием “политика слабости”, а тривиальными уже понятиями всеобщего добра и справедливости, к которым обращается и феминистская мысль, распространив эти представления на класс женщин. Не думаю, что стоит изобретать велосипед: эти идеи присущи христианству, буддизму, многим другим философским школам. У нас, слава Богу, есть выбор – кому-то милее конфуцианство, а мне, например, Буддизм, с его идеей ненасилия, но “отредактированный и дополненный” феминистской теорией.

Как феминизм может убедить человека в необходимости освобождения и в преимуществах свободы?

Олеся Туркина, Петербург

Феминизм может избавить человека (как женщину, так и мужчину) от унизительного выбора, быть господином или рабом. Не подавлять или подчиняться, а отличаться.

Корпорация Любви, Исландия

Демонстрируя это на деле, вселяя уверенность и самосознание всеми способами. А также отказываясь от навязывания любых форм догматизма и принятия на себя любых ярлыков.

Марта Рослер, Нью-Йорк

Если молодые женщины не видят ничего, что способно противостоять тупому журналистскому и телевизионному настоянию на подчиненном положении женщины и ее паразитическом положении в отношениях с мужчиной, то они окажутся не в состоянии обрести экономического, равно как политического и культурного равенства.

Ольга Липовская, Петербург

Здесь, повторюсь, феминизм не изобрел ничего нового, он только распространил общие либеральные идеи в отношении к женщинам. Задачей феминистских теоретиков в основном является деконструкция механизмов патриархата как культуры, которая ставит женщину в подчиненное положение на всех уровнях человеческого бытия. Этим он успешно занимается вот уже почти 50 лет, создав немало новых течений и направлений гуманитарной науки, постепенно доказывая и на практике, что равенство людей выгоднее всему обществу. Не знаю, стоит ли приводить примеры того, как более равные гендерные отношения в обществе дают в результате более высокий уровень жизни – взяв за образцы Афганистан или Таджикистан с одной стороны, и Швецию и Норвегию с другой? Или, скажем, посмотрев на реакцию россиян в ответ на предложения ввести многоженство в России? Может быть, наши женщины еще не осознали преимущества самостоятельности и независимости, но уж второй или третьей женой они стать не захотят.

Кети Чухров, Москва

Возможность освобождения в первую очередь должна совершиться в мышлении. Отношения полов, эротический конфликт между ними основан на фантазме. Фантазм питается нарративом (кино, литературой), историей и культурой. (Есть еще сновидение, в котором проблема пола выступает во всей своей “наготe”). Поэтому освобождение в контексте феминизма я рассматриваю в футурологическом ключе – это в первую очередь освобождение от фантазма, который и создает потребительские и потребляемые клише телесности, речи, языка, коммуникации, а в результате и социо-экономических отношений. Данная проекция, возможно, весьма утопична. Ведь освобождение от фантазма предполагает и освобождение от большей части желаний. Однако желание и есть главная эротическая обманка современного общества потребления, ведь его удовлетворение создает иллюзию свободы, близкой к подлинной.

Кати Дипвелл, Лондон

Слабость и домашняя зависимость - это не те качества, на которых могут быть построены свобода и независимость, Свобода и эмансипация - это предпосылка движения от позиции слабости к позиции силы и полного участия в демократии. Если вы правильно понимаете политику, которая задает ориентиры в жизни вашей семьи, в ваших отношениях с соседями, жизни в вашем городе, то, это, возможно, та основа, из которой вырастает политическая мотивация и активность. Желание автономии, способность делать компетентный выбор и умение использовать любые обстоятельства - это предпосылки свободы.

Елена Здравомыслова, Петербург

Феминизм исходит из того, что “прелести” патриархата недоступны в нашем обществе – т.е. надежда на мужчину-покровителя, заступника, экономического провайдера эфемерна. Особенно в России, где для большинства - это несбыточная мечта. Такой расчет на помощь сильного пола может привести к жизненному краху представительниц слабого пола, да часто и приводит... Зато горести патриархата - символический расизм, шовинизм, насилие, зависимость - сохраняются и усугубляются в условиях экономических и политических ломок. Чтобы избежать их, надо добиваться независимости и равенства. Конечно, этот выбор не легкий. А кто сказал, что свобода – это удовольствие? “Лучше быть нужным, чем свободным – это я знаю по себе”. Так поют в одной детской песенке. Однако нельзя рассчитывать, что мы будем всегда кому-то нужны, кроме самих себя... Преимущество свободы – это отсутствие утраты и приобретенная готовность самостоятельно справиться с проблемными ситуациями, когда никто не может и не хочет тебе помочь. А таких ситуаций – бездна. А вообще нужен баланс – экономической и политической свободы и эмоциональной зависимости, которая лежит в основе человеческого существования. Потому что любовь – это зависимость и ее не хочется выбрасывать из жизни...

Or is it possible to engage in a certain revolutionary politics of vulnerability?

Love Corporation, Iceland

All artistic expression creates certain vulnerability. Artistic expression at its strongest addresses universal human experience on a personal level.
So telling the truth can continue to be a revolutionary act as it has always been.

Elena Zdravomyslova, Petersburg

Of course, these are beautiful words. The revolutionary politics of the weaker sex? The demonstrative vulnerability of geisha-girls and spies? Weakness as an explosive strategy? Having been nominated as the weaker and gentler sex, women either violently reject weakness to step forward with emancipatory pretences, or admit that they are weak, propagating the slogan “You’re the head, and I’m the neck...”

Keti Chukhrov, Moscow

Revolutionary politics as well as any form of protest can be constructed according to any semiotic model. The image of vulnerability is one such model. However, this

image will hardly be feminine. If it is, we will no longer be talking about politics. I am afraid that politics cauterize or burn out any feminine plasticity completely. This is not because they elevate masculinity above all else. Instead, politics do not tolerate the intimate or the sacrificial image of the Other. In fact, sacrifice is something apolitical. Of course, this brings Antigone to mind. Does she carry out the burial of her brother as a political or a familial claim? Is her protest political, or does it attempt to extrapolate the essence of femininity and every-day feminism, long since realized in the framework of rituals? Unfortunately, this question demands a more extensive answer. As far as revolutionary politics are concerned, it is only possible to play out the revolution by counterpoising a given quality to the system at hand, but not through strategic methods of re-politicization. This counterpoise might consist of becoming vulnerable, becoming an animal, a woman, a bum etc. Yet these have little to do with the “politics of weakness”, which are an oxymoron.

Olga Lipovskaya, Petersburg

Rather than talk about “the politics of weakness”, I would prefer to operate with the notions of universal goodness and justice, notions that feminist thinking extends to women as a class. I do not think that it is necessary to reinvent the bicycle: these ideas are essential to Christianity, Buddhism and many other philosophical schools. Thank god we have a choice: some might prefer Confucianism, while I feel better about Buddhism, for an example, about its ideas of non-violence, “edited and enhanced” by feminist theory.

How can feminism convince human beings of both genders of the need for emancipation and of the benefits of real freedom?

Olesya Turkina, Petersburg

Feminism is capable of liberating human beings (women as well as men) from the demeaning choice of being either a master or a slave. Being different without oppressing or being oppressed.

Love Corporation, Iceland

By showing this in reality and encouraging any manner of self-confidence.
And by refusing to be put into categories or labeled in any way.

Martha Rosler, New York

If young women see nothing that energetically challenges the mindless television and journalistic insistence on women’s hierarchical inferiority and parasitical relation to men, they will not be empowered to seek economic as well as political and cultural equality.

Olga Lipovskaya, Petersburg

Again, feminism has not thought of anything new; it has only spread general liberal ideas in relation to women. On the whole, feminist theorists have made a great effort to deconstruct the mechanisms of patriarchy as a culture that keeps the woman in a subordinate role on all levels of existence. These effort have been undertaken with a great deal of success for the last 50 years, producing a great number of new tendencies and directions in the liberal arts. More importantly, their praxis has shown that the equality of human beings is beneficial to society as a whole. Is it really necessary to give examples of how gender-equality results in a better quality of life? Compare Afghanistan or Tadjhikistan to Sweden or Norway. Or maybe we should look at the reaction of Russian women, when someone wants to introduce polygamy to Russia? It may be that our women have not yet realized how advantageous independence and autonomy really are, but do they really become the second or the third wife?

Keti Chukhrov, Moscow

The possibility for liberation is something that begins in our minds. The relationship between the sexes, their erotic conflict, is based upon a phantasm. This phantasm is fed by narratives (cinema, literature), history and culture. (There is also dreaming: in dreams, the problem of sex exposes itself in all of its nudity). This is why I can only think of feminist liberation in a futurological key. In the first place, it would lie in freeing ourselves of the phantasm that produces the well-worn consumer clichés of physicality, speech, language, communication, and, finally, socio-economic relationships. Yet this is actually rather utopian, since “liberation” from the phantasm presupposes being freed from the greater part of desire. But desire is actually contemporary consumer-society’s main trick, since its satisfaction creates the illusion of immanent, authentic freedom.

Katy Deepwell, London

Vulnerability and dependency in the home are not qualities on which freedom and emancipation can be organized, in spite of the fact that freedom and emancipation is premised on moving from a position of weakness to one of strength and full participation in a democracy. If you are truly aware of the politics which inform your domestic life and in your neighborhood and your city, then maybe this is the basis from which to become politically motivated and act. The desire for autonomy, the ability to make informed choices and to negotiate the circumstances in which you have opportunities, these are the pre-requisites of freedom.

Elena Zdravomysleva, Petersburg

Feminism’s point of departure is the fact that patriarchy’s “treasures” are not accessible. The hopes for a masculine protector or an economic provider are ephemeral. Still, the desire to be protected is an undying dream for most Russian women. But counting on help from the strong often leads to complete bankruptcy and collapse. With many of the weaker sex’s representatives, this is often the case. While economic and political fragmentation erase the hope for patriarchy’s benefits, they also preserve and heighten patriarchy’s ills, such as symbolic racism, chauvinism, violence, and dependence. In order to avoid them, we need to reach independence and equality. Of course, the choice is not a simple one to make. But who said that freedom is pleasure? “It’s better to be needed than to be free” – this is something I know from experience. A line from a children’s song. However, we can’t count on always being needed by someone. We only need ourselves...The advantage of freedom is the lack of deprivation and the gain of a readiness to cope with problematic situations on one’s own. But there are so many situations like these. What we actually need is a balance of economic and political freedom and emotional dependence, which is actually a part of any human existence’s base. This is why love is a dependency that should not be discarded.

В современном мире много секса и сентиментальности, но мало любви. Любовью часто называются необременительные романтические отношения, которые не мешают работе и карьере. В этом случае любовь - часть потребительской машины, демонстрирующей неспособность людей справиться со своей свободой и по-настоящему перенести свободу Другого. С другой стороны, часто любовь переживают как травматическую зависимость, от которой необходимо освободиться, потому что она лишает человека самостоятельности. Должны ли мы с этим смириться? Или мы должны искать любви как возможности революционного освобождения людьми друг друга? Любовь не может быть сокрытой в паре или в семье, она должна быть открыта в направлении к более широкому сообществу. Она должна выстраивать коммуны сопротивления и желания. В акте любви возникает возможность вступать в отношения солидарности, вовлекаться в сеть сопротивления капиталистическому порядку. Сегодня любовь становится самым фундаментальным способом разрушения изолированного частного существования. Любовь есть повседневный опыт отношения между людьми, в частности между мужчиной и женщиной. Эта повседневная любовь была бы невозможна, если бы она вновь и вновь не возобновлялась актом дара и освобождения, если бы в ней ежедневно не преодолевалось стремление к эксплуатации и потреблению. Этот опыт, знакомый каждому, опыт выхода навстречу Другому, надо теперь перенести в политическую жизнь сообщества.

Имеет ли, на ваш взгляд, любовь политический потенциал?

Елена Петровская, Москва

Очень сомневаюсь в том, что опыт любви знаком каждому. Это не только выход навстречу Другому, но и готовность к постоянному становлению другим. Опыт любви – это опыт становления. Этим он противоречит существующим институтам любви. Ведь брак имеет вполне конкретную социально-экономическую подоплеку, он ставит границы тому, что является в любви асоциальным. А любовь действительно асоциальна. Но мы довольствуемся как культурно освященными образами, так и психологическим переживанием любви. И поэтому постичь ее предельность, ее асоциальность – почти невозможное дело. Наш опыт любви чаще всего заранее выстроен как контракт, даже в своих наиболее одиозных проявлениях, а стало быть, это и не опыт. Что возвращает нас к слабости. Не бояться проиграть, любить без гарантий, без уверенности в том, что это повторится, иначе говоря, любить рискуя... В этом ли заключена специфика “женской” любви? Вполне вероятно.

Марта Рослер, Нью-Йорк

Большой дискурс о преобразующем потенциале “любви”, на мой взгляд, может прийти весьма ко двору мистическим ньюэйджевским тенденциям, которые Россия исторически (да и в недавнее время) не устает демонстрировать (Россия и без того слишком носится со своей гипостазированной “душой”, слишком полагается на нее, когда хочет объяснить национальный характер и индивидуальные таланты). Хотя аргентинский революционер Че Гевара как-то заметил: “Рискуя показаться смешным, все же позвольте мне подчеркнуть, что подлинным революционером движет любовь”, рискованно думать, что любой поймет, что это высказывание с необходимостью отличается от теологической, мистической или сексуальной/романтической версий любви. Тем не менее, женщин и девочек – а также мальчиков и мужчин – следует поощрять в их стремлении быть заботливыми, чуткими, умеющими сопереживать, что входит в романтическую модель любви с ее заботой и поддержанием детей и семьи, а главное, не бояться проявлять эти чувства. Это не значит, что вы должны быть сосунками! Женщины, действующие энергично и сообща, постоянно выдвигающие требования улучшения во всех социальных областях – действующие, не ограничиваясь рамками традиционных феминистских требований и во имя расширения публичной сферы, – вот что необходимо. Разумеется, наряду с распространением лекций, газет и материалов, приветствующих и поддерживающих такой тип поведения, при том, что они не будут идентифицировать активистку или самостоятельную женщину как “мужеподобную” или непривлекательную, направляя тем самым дискуссию от Бытия к Становлению, от “состояния” – к действию. Таков, по-моему, путь вперед.

Олеся Туркина, Петербург

Политический потенциал любви заключается в том личном сопротивлении, на которое способен только влюбленный. Сначала потерять себя в возлюбленном (возлюбленной), отвергнуть все нормы и предрассудки, и таким образом, избавиться от господствующего порядка. Затем найти силы не утонуть в ослепляющем образе и возродиться в полноте различий. Любовь возможна только к другому, другому в себе. Влюбленный/ая уже не может быть послушным винтиком общественно-политической машины или управляемым рекламой ненасытным потребителем. Он/она – агент более витальной силы, способной сокрушить циничный порядок настоящего.

Ольга Липовская, Петербург

Считаю, что существует специфика гетеросексуальных отношений, в которых можно, наверное, вычленить характерные черты “женской” и “мужской” любви, но даже в этом случае, эти специфики будут меняться параллельно с изменениями этих отношений в обществах. Проще говоря, если развести сексуальность, воспроизводство и любовь в разные “концептуальные кластеры”, и постепенно снижать долю гетеросексизма в обществах, представления о любви непременно изменятся. В моем светлом будущем выбор партнера будет свободным со всех сторон, девственность утратит свою сакральность (или обязательность), воспроизводство станет значительно более осознанным, сексуальность свободнее, любовь будет определяться скорее индивидуальными качествами охваченных ею субъектов, а не романтическими или мифологизированными, социо-культурно регулирующими факторами.

Кети Чухров, Москва

Любовь – это в первую очередь онтологическая и уже потом гендерная и политическая проблема. Именно этим она и сложна. Вспомним, как часто нарративы о любви переплетены со смертью. Эстетика любви танатографична. Политика здесь скорее выступает как препятствие. Ведь политические требования Креонта в отношении Антигоны вполне правомочны. Он думает о спокойствии общества. Антигона же совершает жертвенный ритуал захоронения братьев не столько из любви, сколько из долга. Любовью она как раз и жертвует во имя ритуала, - ритуала, обслуживающего старое общество, старую политическую систему. В обоих случаях – как в случае Креонта, так и Антигоны – политика хоронит любовь. Креонт вытесняет любовь к племяннице во имя долга перед обществом. Ритуал захоронения преступных братьев совершенный Антигоной –

тоже в каком-то смысле политическое действие, но оно рассчитано на ушедший, мертвый электорат. В обоих случаях любовно-эротические проекции претерпевают жесткую кастрацию. Любовь, открытая обществу и превосходящая пару или семью – да, это возможно. Но боюсь, что подобное описание очень похоже на гражданское общество. Это прекрасный институт, но он основывается на кантовской этической парадигме, которая релевантна только благодаря тому, что исключает, какой бы то ни было эротический экстазис.

И, тем не менее, коммунальность, основанная на любви, возможна через внимательное понимание христианства (См. “13 опытов о Ленине” С. Жижека). Я не думаю, что повседневный опыт отношения между людьми, - если он основывается только на социальном уважении к Другому, - может иметь отношение к любви. Опыт “выхода навстречу Другому” не столь легок. Ведь помощь часто предполагает жертвование собственными интересами. Любовь же человека, хоть она виртуальна и универсальна, - немедленно выстраивает иерархию по типу большей или меньшей интенсивности. Разница же интенсивности в отношении различных объектов исходящих от различных субъектов – это и есть основная болевая проблема любви. Любить всех одинаково может только бог. Поэтому в вопросе об экстраполяции любви на общество не помогут только политическая честность и революционные идеалы. Вспомним хотя бы замечательный фильм “Коммунист” или роман Островского “Как закалялась сталь”. Ведь в них речь идет о настоящем телесном жертвоприношении, настоящем героическом самоотводе. Да, это наверно любовь; только пол, гендер и тем более коитус, здесь уже ни при чем.

Екатерина Деготь, Москва

Как справедливо заметил Уэльбек, сегодня нельзя купить односпальную кровать, не рискуя поймать презрительный взгляд продавца. Мир навязывает человеку (и, прежде всего женщине, т.к. ее чувство самодостаточности в силу социальной незащищенности ниже) т.н. “любовь”, то есть непрерывную коммуникацию, которая чудовищно отнимает время и препятствует личному развитию (как правило, опять-таки женщины). Именно такая любовь – идеализированная, абсолютизированная сфера “дара и освобождения”, та самая, что воспевается массовой культурой как “подлинная” в отличие от расчетливой - в конечном счете, приводит к разрывам отношений, т.к. каждый сидит и ждет “дара и освобождения”. Еще Батай и Мосс показали, что экономика дара выливается в моральный террор, так как принятие дара подразумевает обязательство. С практической стороны гораздо честнее признать контрактный и взаимодополняющий характер любых отношений. Игнорирование этого есть самообман, а то и сознательное использование партнера.

Другое дело, что случается такая вещь, как любовная Встреча, но она носит характер взрывного События (хотя событие может и затянуться, у кого как получится) и по этой же причине является исключительно встречей двоих. Размазывание события Встречи на целый коллектив есть - и человечески, и политически – снятие с себя ответственности и упускание возможности истины (в старом советском анекдоте колхозник справедливо предпочитал групповой секс потому, что там “легче сачкануть”). В общем, пора перестать под предлогом критики потребительства упиваться риторикой либерального демократизма, которая на самом деле скрывает огромный ресурс насилия.

Елена Здравомыслова, Петербург

Мне трудно обсуждать любовь в таких категориях. Я думаю, любовь многолика и более того, актуальность разных форм любви различается для разных этапов жизни человека. Самое опасное дело – политическая манипуляция эмоциями, которая влечет за собой коллективную страсть, коллективную любовь, коллективный гнев, а затем –коллективную вину, коллективное раскаяние.... Любовь – личное интимное дело, но ее политический потенциал опасен...

Кэти Дипвелл, Лондон

..... Нас заставляют думать, что обретение сексуальной любви означало бы окончание одиночества, конец отчаяния. Женщин учат, что эта форма любви - их спасение, но это может оказаться, в конце концов, только ещё одной формой мучений, длительным и невыносимым страданием. Возможно, что это ограниченная концепция сексуальной любви, но для меня она не обеспечивают оснований для эмансипации. Возможно, если мы хотим по настоящему улучшить общество, а не просто заинтересованы в увеличении форм личного удовольствия, что мы больше нуждаемся в эмансипации от этой идеи, от мысли о том, что подобный вид любви есть единственная цель. Возможно, что мы должны меньше доверять этой форме любви, а быть более заинтересованными в развитии других форм любви (социальный, коллективный, семейной) и нам следует понимать любовь вне структур “обладания” или “нехватки”, а в форме отдачи и приятия. Не стоит ли задуматься о любви в дружбе, или её проявлении в семейных отношениях, и вообще о любви к жизни, о любви к переустройству нашей среды, о том, как любить природу?

И есть ещё любовь к знанию, любовь к книгам, к идеям, к процессам постижения мира, любовь как знание того, что есть другие невероятные люди там в мире, которые сделали, написали, создали наиболее удивительные и наиболее ужасные вещи, до того как мы родились, те кто жили или теперь живут в культурах, которые нам не знакомы. Возможно, что стоит развивать любовь к постижению, если мы действительно хотим признания достоинства всех граждан мира и, таким образом, изменить мир.

Корпорация Любви

Да, любви подчиняется все!

In the contemporary world, there is much sex and much sentiment, but very little love. All too often, love is defined as a form of uncomplicated romantic relationship, welcomed as a brief interruption in professional and social life. In this case, love is a part of the machine of consumption, an example of how people are unable to deal with their own freedom and how they are incapable of truly accepting the freedom of the Other. On the other hand, love is often experienced as a traumatic addiction, requiring liberation or therapy, since it robs the human being of her-his independance. Is this something we should accept? Or can we search for love as a revolutionary possibility for freeing one another? The act of love offers a possibility for stepping into a relationship of solidarity and becoming a part of a network of resistance to the capitalist order. Love has always been the fundamental means of breaking the illusion of existential loneliness. Today, it becomes the most relevant way of countering a notion of privacy that is trapped in autistic consumption. In this sense, the notion of love can hardly be confined to the bounds of the couple or the family; once it is opened toward the world at large, love can create communes of resistance and desire. At the same time, love is a “ordinary” experience of the relation between human beings, men and women alike. This “ordinary” experience is only possible because it can be repeated again and again in the act of giving and liberation, withstanding the urge toward exploitation and consumption. Everyone knows this experience of stepping out to meet the Other. Now, it is time to bring this experience to the politics that define the life of our society.

Does love have any political potential in your opinion?

Elena Petrovskaya, Moscow

I doubt that everyone knows the experience of love. Love does not only consist in stepping out to meet the Other; it also means that you are permanently ready to become an Other yourself. The experience of love is the experience of becoming. In this sense, it contradicts love’s existing institutions. For an example, marriage’s socio-economic components are quite concrete, setting the boundary for love’s anti-social aspects. And love really is anti-social. Yet we all indulge in love’s culturally illuminations and in its psychological experiences. To understand its liminality, its anti-sociality is an impossible undertaking. More often than not, our experiences of love are as pre-scripted as contracts. This even applies to love’s more odious guises. But if these experiences were not predetermined, they would not be experiences. This brings us back to vulnerability. To be unafraid of losing, to love with any guarantee, without any certainty that this will ever happen again, to love at full risk... Is this what makes up the specificity of “feminine” love? It may well be.

Martha Rosler, New York

Big discourses about the transformative potential of “love” can in my opinion cater too much to the mystical New Age tendencies that Russia has historically (and more recently) exhibited (Russia is already too proud of its hypostatized “soul,” too reliant on it to explain national character or individual talents.) Although Argentine revolutionary Che Guevara famously remarked that “At the risk of seeming ridiculous, let me point out that the true revolutionary is motivated by love,” it is risky to assume that anyone would understand that this notion is necessarily different from the theological, mystical, or sexual/romantic versions. At the same, time, women and girls should be encouraged to be value the caring and empathic behavior that contributes to romantic love and to the care and maintenance of children and families, and most importantly, to be unafraid to exhibit it. THIS does NOT mean that you have to be a sucker! Women acting energetically together and making consistent demands for all kinds of social rectification—acting beyond traditional feminine demands and in favor of enlargement of the public sphere—Is necessary. A requisite accompaniment, of course, is the cultivation of lectures, press, and publications that applaud and support this kind of behavior without identifying activist or self-determining women as “masculinized” or unattractive, thus moving the discussion away from Being toward Becoming, away from “condition” toward action. This APPEARS to be a necessary way forward.

Olesya Turkina, Petersburg

The political potential of love consists in the personal resistance of which only lovers are capable. Losing yourself in your beloved, refusing all norms and prejudices, and in doing so, breaking free of the dominant order, then finding enough strength to keep from drowning in your beloved’s blinding image, only to be born again with all differences intact. It is only possible to love the Other, the Other in yourself. The lover can never be an obedient cog in the socio-political machine, controlled by the advertisements of insatiable consumption. She-he is an agent of more vital force, capable of smashing the cynical order of reality.

Elena Zdravomyslova, Petersburg

I find it difficult to talk about love in such categories. I think that love has many faces. Furthermore, the currency of love’s different forms varies according to the different phases of an individual’s life. It is extremely dangerous to politically manipulate emotions, which bring on collective passions, collective love, collective rage, and then, collective guilt, collective atonement... Love is a personal matter, but its political potential is dangerous...

Olga Lipovskaya, Petersburg

I think that there is a specific kind of heterosexual relationship in which one can probably identify characteristics such “feminine” or “masculine” love, but even in this case, this specificity will change in parallel to the relationship in society as a whole. To simplify, if we separate sexuality, reproduction and love into different “conceptual clusters”, slowly cutting down heterosexism, all of our notions of love will inevitably change. In my bright future, the choice of partner will be free from all sides; virginity will lose its sacrality (or its obligation), reproduction will become considerably more conscious, sexuality will be more free, and love will define itself through the individual qualities of its participant subjects, rather than through romantic or mythologized factors, regulated by society and culture.

Keti Chukhrov, Moscow

Love is an ontological problem. It only becomes a problem of gender or politics later on in the game. This is why love is so complex. We should remember how often narratives on love are intertwined with death: the aesthetics of love are thanatographic. In this sense, politics plays the role of an obstacle. Creon’s political demands on Antigone are more than justified. After all, he is trying to keep society’s peace. When Antigone carries out the ritual of burying her brothers, she is not motivated by love, but by a sense of obligation. She sacrifices love in the name of a ritual that serves an older society and its political system, its ancient regime. In the cases of both Creon and Antigone, politics

bury love. Creon suppresses his love for his niece in favor of his responsibility to society at large. Antigone’s fulfillment of the ritual burial of her criminal brothers is – in a sense – also a political act, but it aims at an electorate that has already passed away. In both cases, the projections of love and eros undergo a drastic castration. Is love possible as something that takes place among couples or families, but that is “open toward society”? Probably. But I am afraid that such descriptions are very similar to the notion of a “civil society”. While the civil society is a wonderful institution, it is based on the Kantian ethical paradigm, which is only relevant thanks to its exclusion of any erotic ecstasy. Nevertheless, communality based on love is possible through an attentive understanding of Christianity (cf. Slavoj Zizek, “13 Attempts on Lenin”). I do not think that the everyday experience of the relationship between people – especially if it is only based on respecting the Other – has much to do with love. The experience of “stepping out to meet the Other” is not that easy, since help often requires the sacrifice of personal interest. Human love – though virtual and universal – immediately constructs a hierarchy of greater and lesser intensities. The different intensities in the relationships to objects that come from differing subject are actually what compose love’s most painful problem. Only god can love everyone in equal measure. When it comes to the question of extrapolating love to society, political honesty and revolutionary ideals don’t help much. Let us at least remember the excellent film “The Communist” or Ostrovosky’s novel “How the Steel was Tempered”: like many other similar narratives, they are talking about real physical sacrifice and heroic self-effacement. And yes, this is probably love. Only it has very little to do with sex or gender, not to mention coitus.

Ekaterina Degot, Moscow

As Houellebecq has justly noted, it is impossible to buy a single bed without the risk of catching the shop-assistant’s scornful gaze. With love, society places a great burden on people – and most of all women, since their feeling of self-sufficiency is far smaller on the strength of their social defenselessness. So-called “love” is an endless form of communication which eats up horrendous amounts of time and presents a serious obstacle to any further personal development. Again, women are most likely to fall victim to this “love”. It is this kind of “love” – an idealized sphere of “gifts and liberation”, elevated to an absolute – which is so often praised highly through mass culture as something “authentic” in contrast to calculation. In this end, everybody simply sits around, waiting for “gifts and liberation”. Bataille and Mauss have long since shown that the gift-economy flows into a form of moral terror, since receiving a gift implies obligation. In practical terms, it is far more honest to admit to the contractual and reciprocal character of any interpersonal relationship. It would be self-deceit to ignore this, and what’s more, it could even end in the conscious exploitation of one’s partner. On the other hand, there is such a thing as an amorous encounter, but it is marked by the qualities of an explosive Event (although this event-explosion can be prolonged, if you are lucky), and for this reason, it is exclusive, as an encounter that takes place between two people. To blur the event of an Encounter across society’s entire collectivity would mean freeing oneself of any human and political responsibility and passing up the chance for any kind of truth. (An old Soviet anecdote, a kolkhoz farmer honestly prefers group sex because it is easier to shirk work there.) In the end, it is time to stop pretending to criticize consumerism while lapping up the rhetoric of liberal democratism, which actually covers up a great deal of violence.

Katy Deepwell, London

...We are encouraged to think that finding (sexual) love would mean the end of loneliness, the end of desperation, the end of despair. Women are taught to think that this form of love is their salvation whereas it may ultimately be just another form of torture for women, producing long-lasting and unwanted suffering. Maybe this conception of sexual love is just too limited but for me, it does not provide a basis for emancipation. Possibly what we need more is emancipation from the idea that this kind of love is the only goal that is if we want a better society and not just more forms of personal pleasure. Maybe we need to invest less in this form of love between two people and more in other forms of love (social, collective, familial) and think more carefully about love not just in terms of ‘having’ or ‘not having’ but giving as well as receiving. What about the love in friendship or the value of love within and from our families, the love of life, the love for building and changing our environment, e.g. investing in a love of nature? ..... And then there’s the love of knowledge, the love of books, of ideas, of thought processes, of knowing that there are other incredible people out there in the world who made and wrote and produced the most marvelous and the most terrible things before we were born and who have lived or now live in cultures which we are not familiar. Perhaps this is a love of knowledge which is worth investing in if we want to build respect for all citizens of the world and thereby change the world.

Love Corporation, Iceland

Yes. Love conquers all!

- The male suppresses all ideas and knowledge.
- That's right. They could bring on the general exposure of the male sex as a whole and his unnatural dominant position in "society".
- The only appropriate attitude in a male "society" is cynicism and distrust.
- Besides, the male knows that an enlightened, aware female population will mean the end of him.

- The male feels a need for external guidance and control.
- The healthy, conceited female wants the company of equals whom she can respect and groove on
- We know that "Great Culture" is great because male authorities have told us so, but we don't share their appreciation of turds, do we?
- Turds are all they'll ever have.

- The male constructs a highly artificial society enabling him to appropriate the appearance of worth through money, prestige, "high" social class, degrees, professional position and knowledge
- We have to get our asses in gear.

Виктор Мазин | Комментарий к анкете

Я испытываю неловкость оттого, что мне нужно говорить от лица женщин. И дело совсем не в том, что я считаю себя мужчиной. Отнюдь, нет! От их лица я тоже не могу говорить, более того, от их лица я еще и не хочу говорить. Мне неловко говорить от лица какой-то общей категории вообще. Это политикам с их мужским "лицом" пристало говорить от лица женщин (стариков, детей). Им необходимо говорить и заговаривать зубы, отвлекая внимания от Черного Передела. В этом смысле я согласен, что феминизм – одна из составных частей нелиберальной идеологии, точнее "неолиберальной" олигархии. Но это же не означает, что "либерал" не превращается дома в патриарха, более того, что законы, принимаемые "либералами", носят профеминистский характер. Что, суд над Фаллосом американского Президента – показатель распространения феминизма в американской юриспруденции? В результате Президенту пришлось направлять свою ракету не только в бюрократический рот, на и на Третий Мир (это, разумеется, была не единственная причина). Фаллоκραтия вполне может кутаться в мантию феминизма, но способна ли? Не оказывается ли неолиберальный дискурс перфорированным ракетой, которую не спрятать?

Я бы хотел напомнить, что при всем разнообразии феминизмов, речь все же идет о сложнейших теориях, о сплетении марксизма, психоанализа, критики, деконструкции. Короче говоря, американская капитализация, в том числе и юридическая отдельных положений феминизма, на мой взгляд, – лишь камуфляж идеологии неолиберализма.

В связи с этим я вспоминаю одну ситуацию. Дело было в Рио де Жанейро. Один американский паренек, профессор психоанализа и феминизма, разворачивал "левый дискурс", так сказать, по полной. В одну из ночей ему довелось попасть в некий клуб, который представлял собой девичий рынок. Утром он уже забыл всю свою борьбу за освобождение трудящихся, он не рассуждал о причинах, по которым девушки попали в это место. Дрожавшим голосом он лепетал в прострации: "они все могут быть мои, они все – мои, они мне по карману..." Я не хочу его осуждать. Тем более не хочу сейчас рассуждать о том, что Америка сделала с Бразилией. Читайте Хомского. Я лишь хочу подчеркнуть, что дискурс – тоже вещь коммерческая. Дискурс разменивается на деньги. Дискурс помогает валоризовать себя и занять место в социальной структуре. Этот американец распаивал феминистскую ниву. Феминизм – средство заработка. В России же понятие "феминизм" вообще скорее воспринимается как ругательство. Патриархальные "мужчины" говорят, мол, из-за этого феминизма женщины распустились, ничего не умеют делать, семьи распадаются, страна идет напрямик в ад, вся надежда на сильного президента и т.д. С другой стороны некоторые "женщины", называющие себя "феминистками", готовы порвать "мужчину" на части, когда тот подает им пальто или подносит зажигалку к сигарете. Так что хорошо бы сначала разобраться с тем, что это за "феминизмы" и "феминистки". В этом отношении я весьма пессимистичен, несмотря на то, что стали появляться книги

по гендерным исследованиям, несмотря на то, что Ирина Аристархова, Ирина Жеребкина пишут свои работы... Сколько человек читают эти книги? А сколько человек слушают психолога, объясняющего, что женщина должна служить мужчине как богу, мол, так устроена психология? А сколько человек слушают биолога, рассуждающего о природе, создавшей женщину для сохранения очага, моногамии и подчинения? А сколько человек читают женские журналы и смотрят женские телепередачи, в которых насаждаются позиции весьма далекие от феминизма. Женские передачи вообще чаще всего могут вызвать только ужас и отвращение. Как будто у них одна цель: сделать женщину либо неженщиной, либо рабыней. Такое ощущение, что ТВ-"женщины" слышали лакановское уравнение "Женщина = Другое = Вещь" и поняли его на уровне маленького мальчика с серьезными задержками в развитии. Они делают все, чтобы женщина превратилась в Вещь. Вещь, которая наравне с тачкой, мобилей и голдой на груди принадлежит "настоящему мужчине". "Эх, мне бы такого, как..." Что же касается различий между "мужчинами" и "женщинами", то для меня это как был сложный вопрос, так и остался. Единственное, что я могу точно себе сказать: различие между "мужчинами" и "женщинами" не проходит между "мужчинами" и "женщинами". Где это различие – в области социального полоролевого конструкта? Не только. В области биологии – деторождения, месячных...? Не только. В области психического структурирования в отношении фаллоса? Не только.

2. Сегодня российскими средствами массовой дезинформации на полоролевой рынок продвигаются две ходовые модели "женщины". Первая модель – самостоятельная, независимая, сильная, агрессивная. *Self-made woman*, так сказать. Эта идеологический *ready-made* называется "Деловая женщина". В одном из журналов, на днях увидел, что одна из 2-3 самых популярных женщин этого образа – Кондолиза Райс. Насколько эту агрессивную модель можно назвать "женщиной" – решайте, друзья, сами. На каком основании этот политический монстр стал для россиянок образцом, для меня остается загадкой. Возможно, вы правы "крутизна" в моде, а такие человеческие качества, как терпение, пассивность, способность к пониманию другого сегодня *out of fashion*. Мне при этом вспоминаются даосы с их изысканным аргументированием победы слабого, пассивного, гибкого, т.е. всего того, что не соответствует западной модели "настоящего мужчины-терминатора", "Кондо Райз", а уж тем более российской модели "настоящего мужчины" – "водка, табак, перегар и щетина". То, что вы называли "революционной политикой слабости" звучит для меня крайне привлекательно. Слабость, думаю, не отомрет, по крайней мере, по той причине, что она – фантазм "сильного", самоуверенного параноика, принимающего на себя "ответственность" за судьбу другого, несущего ему свою фаллократическую "свободу", обеспечивающего "женщину" товарами, или "разводящего лохов" (русская версия "крутого").

Вторая масс-медиаальная модель "женщины": "Вещь". Этот рыночный брэнд может быть двух типов. Один тип рассчитан на большинство россиян, сориентированных на патриархальные устои. Этот тип паразитирует на дискурсе "традиции", "природы", "так уж сложилось", "так было всегда", "так издревле повелось на Руси". Это функциональный тип. "Женщина" - "вещь", которая хорошо готовит, убирает, растит наследников. В новых условиях она функционирует на уровне холодильника, пылесоса, стиральной машины и прочих приборов. Она – хранительница очага (он – "добытчик", "охотник"). Эта "женщина-вещь" предназначена для широких слоев трудящихся. Другой тип рассчитан на бизнесменов и олигархов. Этот тип, как правило, связан с маркетингом модельного бизнеса и школы т.н. "золотой молодежи". В отличие от первого, функционального типа модели "Вещь", второй тип овеществлен до предела. "Женщина-Вещь", судя по средствам массовой дезинформации, особенно, если это образчик "золотой молодежи", переходящей в "светскую львицу", а не модельного бизнеса, уже лишен способности мыслить и говорить, и сведен исключительно к декоративному элементу. Этой "вещи" не нужно функционировать на уровне домохозяйки. Она работает на бизнес-взгляды партнеров и конкурентов. Этот тип пришел на смену сводящему с ума типу *femme fatale*, созданному фантазмами рыцарей, поэтов, Дон Кихотов, т.е. "ненастоящих мужчин". В экономике тотального потребления сводить с ума нет возможности. С какого такого ума? Настоящий мужчина – на брэндах. А еще у него есть "Вот Это". Этот бизнес-взгляд и пропагандируют женские журналы, и женские телепередачи: стань "Вот Этим", ну как его, ну, как его там, типа...

3. Секс+сентиментальность вместо любви – так определил Жан-Люк Нанси американский образ жизни, т.е. тот образ, который нам предлагается в качестве безальтернативного, за неимением лучшего. Секс по быстрому, пара слезинок от дешевой голливудской мелодрамы и на работу, к настоящей "жизни", к золотому тельцу. Любовь только отвлекает от дельца. Ну какой из любящего работник? Он о чем думает на работе? Так что, друзья, любовь, похоже, имеет мощнейший политический потенциал! Любовь и смерть заставляют задуматься над смыслом жизни. Любовь заставляет переосмыслить ценности, навязываемые господствующей в России американская идеологией. Любовь – то, что позволяет субъективизироваться. Любовь – то, ради чего можно поставить на кон всё, т.е. карьеру, деньги, эффективность, успешность. И это "всё" покажется тогда столь малым и ненужным – просто "бумажной мечтой", как поет Шнур. Однако любить в обществе, где любить нужно тело товаров, где во сне являются "БМВ" и "Моторолы"... вот что немисливо сложно. Это немисливо сложно, потому что это уже предполагает субъективизацию. Вот где порочный круг: чтобы любить ты должен быть человеком, а чтобы быть человеком, ты должен любить.

- Life in a “society” is made by and for creatures who, when they are not grim and depressing are utter bores.

- Male “intellectual conversation” is a strained, compulsive attempt to impress the female.

- Daddy’s Girl, passive, adaptable, respectful of, and in awe of the male, allows him to impose his hideously dull chatter on her.

-So what should we do?

- Say fuck you to propriety, niceness, discretion, public opinion, “morals,” and the “respect” of assholes!

- Always funky, dirty, and low-down, we girls will get around

- The male is, by his very nature, a leech, an emotional parasite and, therefore, not ethically entitled to live...

- ... since no one has the right to live at someone else's expense.

- The male has a negative Midas touch.

- Everything he touches turns to shit.

- In actual fact the female function is to explore, discover, invent, solve problems, crack jokes, make music...

- All with love.

Viktor Mazin | Commentary on the Questionnaire

1. I feel uncomfortable about writing *for* women. And this isn’t because I think that I am a man. Hell no! I can’t speak for men either, even more so because I don’t even want to speak for them. I don’t feel comfortable about speaking for anybody of any category at all. Speaking for women (for the elderly, for children) is a task that can be left to the politicians and their “masculine” mugs. After all, they need to go on and on chopping their teeth in order to divert our attention from the Black Flag. In this sense, I agree that feminism is “an integral part of neo-liberal ideology”, or to be more precise, of “neoliberal” oligarchy. But this does not mean that the “liberal” does not turn into a patriarch at home, nor does it imply that the laws passed by “liberals” have any pro-feminist quality. Was the trial of the American president’s phallus really a perfect example of in how far feminism has spread to the American legal system? In the end, the President didn’t only launch his rockets into the open mouth of bureaucracy; he also fired some missiles at the Third World, even if this wasn’t the only reason. Phallocracy may well wrap itself in the cloak of feminism, but does it ever really succeed? Isn’t the entire neo-liberal discourse perforated by rockets, missiles that you will never be able to hide? Perhaps we should remember that any talk that addresses the variety of feminism will still be referring to a mass of highly complex theories, of variagated interweaves of Marxism, psychoanalysis, criticism, deconstructivism etc. In sum, the American capitalization of feminism, even in its legal guise, is nothing more than camouflage for neoliberal ideology. In this context I remember this one thing that happened in Rio de Janeiro. One guy from America, a professor for psychoanalysis and feminism, totally turned “the discourse of the Left” upside down. One night, he happened to find himself in a certain club, which was actually a whorehouse. By morning, he had already forgotten all about how the girls had reached this place. With a shaking voice, he was babbling deliriously: “They’re all mine, if I want them, they can be mine and mine alone”... I don’t want to pass judgement on him. I also don’t want to talk about what the United States have done to Brazil. Read Chomsky. I simply want to emphasize the following: discourse is commerce, among other things. Discourse can be exchanged for money. Discourse helps you to valorize yourself, reserving a place in society’s structures. That American was just plowing the fields of feminism. Feminism is a way of making money. In Russia, “feminism” is perceived as a four-letter word. Patriarchal “men” will say that it is because of feminism that women have gotten out of hand, that they have become incapable of doing anything, which is why the family as such is falling apart and the whole country is going to hell, that our only hope is a strong president and so on. On the other hand, some “women” who call themselves “feminists” are ready to tear apart any “man” who dares to hand them their coat or to light their cigarette. It would be great if we could start by really understanding what “feminism” and “feminists” actually are. I am rather pessimistic as far as this is concerned, even if books on gender-studies are being published,

even if Irina Arikhstarkhova or Irina Zherebkina are prolific writers...How many people actually read these books? And how many people listen to the psychologist who says that women should serve both men and god, because this is how psychology works? How many people listen to the biologist who says that nature has adapted women to hearth-keeping, monogamy and subordination? And how many people read woman’s magazines and watch woman’s TV, all of which have been inculcated with positions rather distant from any kind of feminism. More often than not, TV shows for women provoke little more than horror and disgust. It is as if they only had one goal, namely either to emasculate women or to transform them into slaves. One constantly has the feeling that these TV-women live by the Lacanian equation of “Woman = Other = thing”. They do everything to make the woman into a Thing. A Thing on the same level as a car, a mobile-phone or a thick gold chain, belonging to a “real man”. “Wow, if I had something like...” As far as the differences between “men” and “women” is concerned, this has always been and still is a very difficult question. The only thing I can say with certainty is that the differences between “men” and “women” do not take place *between* “men and women”. Wherein does this difference lie? In the social construction of gender-roles? Not only. In the biology of childbirth and monthlies...? Not only. In psychic structuring in relation to the phallus? Not only.

2. Contemporary Russia’s means of mass disinformation have market-launched two saleable models for “femininity”. The first model is independent, self-assured, strong, and aggressive. The *self-made woman*, to put it differently. This ideological *ready-made* is called the “Self-made Woman”. Recently, I was reading a magazine and saw that one of the two or three most popular women of this type is Condoleeza Rice. In how far can this aggressive model be called “feminine”? Well, friends, it’s up to you. It’s still a mystery to me how this political monster could have ever become a role model for women in Russia. Maybe you’re right: “coldness” is considered cool, while human qualities like patience, passivity, and the ability to understand the Other are totally out of fashion. At the same time, I remember the Tao and its finely argued victory of the weak, passive, and flexible, all of the things that do not correspond to the Western model of the “real man/terminator”, “Condi Rice”, but they do correspond to the Russian model of “tobacco and a three-day-beard reeking of vodka”. What you call “the revolutionary politics of weakness” sounds incredibly attractive to me. But I don’t think that weakness will die out, since it is actually no more than a phantasm of the “strong”, self-assured paraoiac, taking on “responsibility” for the fate of the other, bringing phallocentric “freedom”, which supply “women” with goods and production or making lots of little bunnies (the Russian version of “coolness”). The second mass medial model transports the woman as a thing. This market brand can come in two variants. One of them is custom-tailored to the majority of Russian women, who are stilled

keyed into the patriarchal order. This type feeds on the discourse of “tradition”, on “nature” or “that’s the way things are” and “it was always like this”, or “this has been the Russian way since day of old”. This is the functional type, the “woman” who cooks and cleans well, the woman that raises offspring. Under more recent circumstance, she functions much like a refrigerator, a vacuum cleaner, a washing machine or some other appliance. She is the hearth-keeper (while he is the “bread-winner”, the “hunter”). This “woman-thing” caters to broad segments of the working-class. The other type caters to the businesspeople and the oligarchs. As a rule, it is connected to the marketing of the modelling business and its schoolyard, the so-called “Golden Youth”. Unlike the first type of “thing” model, the second type has already been objectified beyond belief. According to the media of mass disinformation, especially those that serve the “Golden Youth”, this “woman thing” has already been robbed of any capacity for thought and speech; she has become a purely decorative element. This “thing” does not have to function properly as a house-wife. Instead, she works for the business-views of her partner and competitors. This type has replaced the older type of the *femme fatale* who will drive you out of your mind, a phantasm thought up by “knights”, poets and Don Quixotes, “unreal men”, that is. But in the economy of total consumption, it is impossible to drive anyone out of their minds. From what mind can you be driven? The real man is a brand manager. He still has “that thing”. This is the business-perspective that the women’s magazines and women’s TV shows all propagate: get “that thing”, what’s it called, you know, like...

3. Sex+sentimentality instead of love – this is how Jean-Luc Nancy has characterized the “American way of life”, i.e the image that they offer us as something that is better by default, since there is no alternative. A quick roll in the hay, a few tears from a cheap Hollywood melodrama, and it’s off to work, out into real “life”, down to the Golden Calf. Love will only distract you from your work. Show me a lover that makes a good worker. What the hell is he thinking about? He’s supposed to be working. So, dear friends, it seems like love has a great deal of political potential! Love and death force us to consider what our lives actually mean. Love forces you to reconsider the values that have been imposed by the American ideology that has come to dominate Russia today. Love is what allows subjectification. Love is the one horse upon which you can place all of your stakes, e.g. your career, all your money, your effectivity, your success. “Everything” will suddenly seem petty and unimportant, nothing more than a “paper sword”, according to the poet Shnur (=the lead singer-lyricist of the rockgroup Leningrad). But in a society that forces you to love the bodies of products, where you dream of BMWs and Motorolas, it seems unthinkable to love. It is so unthinkable difficult because already prerequisites subjectification. The vicious circle: to love, you need to be a human being, and to be a human being, you need to love.

- Dyke man-like women despise themselves and all of those like themselves...
- But I'm not like that, am I?

- Love is not dependency or sex, but friendship
- I know, I know, I know...

- Love can't flourish in a society based on money and meaningless work.
- Don't worry, we'll soon take care of all that

- You're funky and groovy; you're capable of true love...
- But love requires complete freedom

- To love, we need the opportunity to engage in intensely absorbing, emotionally satisfying activities which, when shared with those you respect, lead to deep friendship.

Петр Быстров – Цапля | Как правильно любить Лену //// фрагмент разговора

Весь этот дурацкий проект об отношениях, - Проект об отсутствии – невозможности любви. Я с самого начала говорила, что все эти тексты и стихи – суррогат подлинных чувств, невроз. Тоталитарный, евгенический, перверсивный, онанистический

Многоуровневый опасный для жизни психоз. “Когда есть любовь, слова лгут и наоборот”. Ты понял меня? Оставь меня навсегда. Хочу выбросить тебя из головы. Маленькая мерзкая пиявка в моих мозгах, булавка , кровопийца. Уми. Мне кажется, я оскорбляю уже саму бумагу, Прости.

Елена Ковылина, 14 февраля, 2003

Петр Быстров (П.) ... Лена Ковылина - моя женщина - не создает мне никакого комфорта в жизни, ноль целых, ноль десятых комфорта. Только дискомфорт. Но лично меня мотивируют ее бесконечные требования, претензии, какие-то условия, которые она ставит. Меня это мотивирует на личный рост. В отличие от всех парней, - которые просто засели дома, и спят, едят (никто не умер, не деградировал, но все отдыхают, все ввали в зимнюю спячку). Потому что их девушки им это позволяют. Лена – человек, за которым мне все время приходится бежать, догонять. Она - человек, который не уступает, а в чем-то превосходит меня по энергии. Это человек, который сделал сам себя. Она постоянно, как барон Мюнхгаузен, вытаскивает себя за волосы. В ней есть сила идти на риск, где-то побеждать, что-то проигрывать, ставить какой-то эксперимент. Поэтому для меня наша любовь и наши отношения совершенно отличаются от отношений моих друзей с их девушками, которые, на мой взгляд, занизили планку эксперимента, риска, решили отдохнуть.

Цапля (Ц.) Последнее время ты больше участвовал в ленивых проектах - как ассистент, и меньше занимался своим искусством, хотя по российским меркам ты, как член группы “Радек” и самостоятельно работающий художник, вполне успешен. Выходит, что ради ваших отношений ты готов быть на вторых ролях?

П. Я могу быть на вторых ролях, я могу себе это позволить. Меня всегда в культуре привлекали те фигуры, которые не реализовали себя даже на половину - относительно тех задатков, которые они имели.

Ц. Кто, например?

П. Я могу привести примеры, но это только затуманит восприятие моего тезиса. Есть такие люди, демонстрирующие

какой-то надлом, какую-то силу, готовность к броску, который они так и не реализовали. Конечно, есть сила в слабости. Большая сила. И большой человеческий ресурс содержится в том, что ты делаешь меньше, чем можешь. Я сам почти на год ушел от своих личных занятий искусством, от своих амбиций для того, чтобы ассистировать, заниматься технической работой для Лены. В отказе может содержаться определенная сила. Чтобы быть лидером, сильным и самостоятельным человеком, не обязательно грести под себя. Близкие отношения требуют от человека определенного самоотречения - в плане времени, в плане здоровья, и чего угодно.

Ц. Ты почти на год забросил свою карьеру. Это дало тебе что-то, чего бы ты не получил, если бы этого не сделал?

П. Конечно.

Ц. Твое желание назваться Петром Ковылиным. Что тебя заставило? То есть, ты сразу решил разыграть ситуацию, противоположную традиционному браку, - когда общество вынуждает женщину отказываться от своего имени, тем самым признавая главенство мужчины?

П. Нужно сказать, что Лена недолго ощущала себя главнее в отношениях с человеком, который захотел назваться ее фамилией. Она не была этим горда или рада этому. Она сразу выставила мне претензию, что ей будет это мешать. И в то же время для меня - как ни странно, поскольку я вовсе об этом не думал - это был какой-то карьерный ход. В этом весь абсурд.

Ц. Почему?

П. Отчасти это был способ идти к горе. Если гора не идет к Магомету, то Магомет сам идет к горе. Это был очень сложный проект. Я решил, что я должен влюбиться в девушку. Я выбирал: сначала общался с одной девушкой, потом с другой, в конце концов, случайно в Вене познакомился с Леной. У меня возник план, что я должен начать жить вместе с ней, что она станет моей женой, и у меня больше никого не должно быть. Объяснить это невозможно - для этого нужно очень глубоко копать в мою жизнь. Это, наверное, будет делать мой биограф, но не ты сейчас. Просто я решил вступить с человеком в близкие, глубокие отношения.

Ц. Так ты мне скажи, ты влюбился или это был эксперимент: сможешь ли ты влюбиться и вступить во взаимодействие с другим человеком, который довольно мощный и серьезно опытный, чем ты?

П. Влюбиться можно в кого угодно, и в этом смысле рациональный конструкт предшествовал. Мне было интересно для самого себя создать такие условия, в которых бы я влюбился. Потом, естественно, я влюбился, - но изначально это был дискурсивный проект. Я предложил Лене вступить в такие отношения, которые бы никак не читались в виде уже известного жанра. Это должны были быть отношения не любовников, не влюбленных, не партнеров. Наш проект заключался в том, что мы ходили к так называемым “экспертам” - людям, которые давали нам советы, что нам делать для того, чтобы не влипнуть в любовь, в рутину, в быт. Мы создавали такие отношения, которые бы невозможно было охарактеризовать извне. Мне всегда нравятся ситуации с неоднозначными идентичностями. Меня интересовало

форсирование внутренних “ошибок”. Казалось бы, все очевидно. Я пишу Лене письмо: “Привет Лена и ту-ту-ту”. Ожидания не заставляют себя долго ждать. И в этом смысле, влюбиться легко. И вызвать взаимную любовь тоже легко. Куда более интересно и сложно “портить” самому себе эту простую картину. Я хотел сделать такие отношения, которые длятся во времени, имеют какие-то перспективы, но о которых нельзя однозначно сказать, каковы они, и кем приходятся друг другу эти люди.

Ц. А сейчас? Как быстро вы влипли в “норму”?

П. Я не буду это отрицать, это так. Просто оказалось, что это все равно, что ходить по воде. Как долго ты можешь это делать? Какие-то доли секунд - но выигрывает тот, кто делает это чуть-чуть дольше. Важен сам факт прецедента: если людям удалось создать нечто иное по отношению к абсолютному большинству людей. Важно преодолеть типические, абсолютно стандартизированные формы сообщества между мужчиной и женщиной. Для меня абсолютной ценностью, которой я не прочь посвятить свою изобретательность, ум и время своей жизни, является попытка создать альтернативные формы сообщества. Не для блага людей, а для самого себя. Мне просто неинтересно, если моя девушка будет мне готовить обед, и смотреть на меня, открыв рот. Естественно, мы сейчас вошли в какой-то более или менее привычный режим, но мы не живем ни в одном доме, даже в одной стране, и, когда мы встречаемся, это эйфория.

Ц. Т.е., вы вступали в отношения, в которых максимально проявлялась сила каждого?

П. Да, мы проводили такую картографию, мы хотели исследовать, вскрывать такие гейзеры, подводные источники, силовые поля друг друга. Предельно накалять обстановку для того, чтобы добиться чуда, потому что человек в экстремальной ситуации может в чем-то признаться или сделать какое-нибудь предложение.

Чем меньше вызова, чем больше рутинного спокойствия, тем люди меньше думают. Идея была в радикализации повседневности с целью выявления личностных ресурсов каждого.

Ц. Скажи, а в этой ситуации есть победители и побежденные?

П. Я в этих категориях не мыслю. За полтора года, что мы общаемся, я очень сильно изменился. Я сделал массу вещей, которые я в жизни никогда не делал раньше. Например, если меня кто-то оскорблял, то я этого человека или бил, или больше не общался. Я недавно смотрел один мультфильм, в котором мальчик зашел к ведьме в маленький домик, и выяснилось, что изнутри это огромный дворец. В мультике это называлось “фокус”. Так и в человеческих отношениях: ты видишь что-то одно, и соотносишь свои силы с этим, а оказывается абсолютно другое. Сначала я надеялся на блицкриг. Я не случайно подвожу военную терминологию. Я вообще всегда думал: любовные отношения - это война или союзнические действия?..

И до сих пор я не могу ответить на этот вопрос.

Pyotr Bystrov – Tsaplya | Doing Right by Lena // A Conversational Fragment

This whole stupid project about relationships, - Is a project on absence and the impossibility of love I told you from the first that all of these texts and poems are surrogates of true emotion, neurosis. Totalitarian, eugenic, perverted, masturbatory. Many-layered life-threatening psychosis. “Where-ever there is love, words will lie”. Get it? Leave me be forever. I want to throw you out of my head. You nasty little leech, pin-pricking at my brain, You bloodsucker. Die. I seem to be insulting the paper itself, Forgive me.

Elena Kovylyna, February 14th 2003

Pyotr Bystrov (P.) ...Lena Kovylyna, my women, doesn’t make my life very comfortable at all. Zero point zero zero comfort. Nothing but discomfort. But I find it motivating to face her endless demands, her claims, the conditions that she sets. They motivate me to grow personally. I’m telling you: unlike all the other guys, who sit around at home comfortably, sleeping and eating, nobody’s degraded or anything, they’re all still alive, but it seems like they’re all resting or hibernating, because their girlfriends let them do so. But I’m constantly chasing Lena, who is a person you will always have to catch up with. She never yields and is far more energetic than me in many ways. She’s a person who has made herself what she is. Like Baron Münchhausen, she’s constantly pulling herself out of a swamp by her own hair. She’s strong enough to take any risk, to win or to lose, to experiment. So our love and our relationship is actually completely different from all of the relationships or loves that my friends are involved in, some of which, in my opinion, have lowered the stakes of their experiments, deciding to take it easy.

Tsaplya (Ts.) Recently, you’ve been taking part in Lena’s projects as an assistant and have been less focused on pursuing your own art, even though you’ve been quite successful by Russian standards, both as a member of the “Radek” group and as an artist in your right. Does this mean that you’re willing to play a secondary role for the sake of your relationship?

P. I can afford to play a secondary role. I’ve always been immensely attracted to those figures in culture who didn’t realize even half of the potential they had.

Ts. Like who?

P. Examples would be arbitrary. I could give you examples, but this would only confuse your perception of what I’m saying.

There are people who demonstrate some kind of drive or strength, a readiness to throw themselves in the breach, which they then never actually realize. Needless to say, there’s strength in weakness. A great deal of strength. And having a great deal of human potential consists in doing less than you are capable of. I’ve stepped back from my own art and my own ambitions for almost a year now, in order to help Lena with some of the technical work. In a way, this refusal can be read as strength. To be more precise, it can contain a form of strength. You don’t necessarily always have to come out on top in order to be a leader, a strong, independent person. Intimacy demands a certain measure of self-denial, in terms of time, health or whatever.

Ts. You’ve neglected your career for almost a year now. Has this given you something that you wouldn’t have gotten if you hadn’t taken a break?

P. Of course.

Ts. You’ve expressed the desire to change your name to Pyotr Kovylin. What were you thinking? I mean, did you immediately decide to play a role opposite to that of the male role in a traditional marriage, when society forces a woman to recognize the man’s priority by refusing her own name?

P. I have to say that Lena didn’t feel more important in a relationship with someone who wanted to take her name for very long. She wasn’t proud or happy about this at all. She immediately told me that it would bother her. And at the same time, although I didn’t even think about it at the time, it was a kind of career-move. Which is why it seems so absurd.

Ts. Why’s that?

P. In part, it was a way of going to the mountain. If the mountain does not come to Mohammed, Mohammed goes to the mountain. It was a very difficult project. I decided that I had to fall in love with a girl. I was making my choice: first, I went out with one girl, then another, but then, I met Lena by coincidence in Vienna. And suddenly I came up with this plan. I wanted to live with her; she would be my wife; I would never be with anyone but her. This is something that is impossible to explain; you would have to dig around in my life quite deeply to find any kind of answer. We can leave this task to my biographers. I simply decided to enter into a deep, intimate relationship with this other human being.

Ts. So tell me, did you actually fall in love, or was it more like an experiment in order to see whether you could fall in love and interact with someone who is pretty forceful and far more experienced than you are?

P. You can fall in love with anyone really. In this sense, it was a rational construct to some degree. I was interested in creating the conditions necessary to falling in love. Of course, later on, I really did fall in love, but at first, it was a discursive project. You know that I made this project public quite often. I offered Lena the chance of stepping into a kind of relationship that cannot be read as an example of any genre. It didn’t mean being lovers or being in love with one another, nor did it mean partnership. Our project consisted in that we went to the so-called experts, people

who gave us advice on what to do in order not to get sucked into love, into a routine, into the every-day. We create a kind of relationship that is impossible to characterize from the outside. I always like situations with ambiguous identities. I was interested in forcing internal errors. It would have seemed that everything was obvious. I write Lena a note: “Hi Lena and tu-tu-tu”. You don’t have to wait for expectation. And in this sense, it’s easy to fall in love. It’s also easy to make someone love you. What could more interesting than spoiling this beautiful picture for yourself? I wanted to construct a relationship as it was, protracted in time, with a perspective for the future, but about which it would be impossible to say anything, where it would be impossible to know why these people are actually together?

Ts. And now? How quickly did you slip into the “norm”?

P. I don’t want to say that this didn’t happen. For how long can you walk on water? For a fraction of second? But does this mean that the person who can walk on water for a little longer comes out as the winner? The only thing that is important is the precedent, namely that people were able to create something different from the absolute majority of most people. It’s important to get beyond the typical, absolutely standardized forms of communities between women and men. For me, the attempt to create alternative forms of communities is the only absolute quality; it is what I have dedicated all of my inventiveness to. This isn’t for the benefit of other people, but for myself. I simply find it boring if my girlfriend cooks me lunch and gapes at me in wonder. Of course, we’ve fallen into some more or less normal regime by now, but we don’t live in one house or even in one country, so whenever we meet, it’s complete euphoria.

Ts. So you actually stepped into a relationship in which each person’s strength expresses itself to a maximum?

P. Yes. We undertook a form of cartography; we wanted to explore and to open up each other’s geysers and subterranean springs, each other’s fields of force. To generate a maximum of tension in order to allow a miracle to occur. Because in an extreme situation, a person can confess to something, for an example, or offer something. The smaller the challenge and the more routine, the less people think. The idea was to radicalize the everyday with the goal of allowing each of us to reveal our personal resources.

Ts. Tell me, is there victory or a victor in this situation?

P. I don’t think in these kinds of categories. We’ve been together for about one and a half years. I’ve changed tremendously since then. I’ve done a mass of things that I would have never done earlier on. For an example, if somebody insulted me back then, I would either beat them up or refuse to talk to them ever again. You know, recently, I watched a cartoon in which a little boy enters the witch’s hut and find an entire palace inside. The cartoon called this a “trick”. It’s the same in relationship: you see one thing and relate to it in a certain way, but in the end, it turns out to be something absolutely different. I used to believe in Blitzkrieg. I’ve always asked myself whether love was war or alliance? And I still haven’t found an answer to this question.

LOVE HISTORY

Алексей Пензин:

В этом разговоре, в самом деле важно отстраниться от идеологических языков секса и sentimentalности. Эта последняя, sentimentalность, кажущаяся менее подозрительной, - безусловно, реакция на утверждение секса в качестве властного аппарата и товара культуриндустрии. И в варианте компенсаторного массового romance, и в форме слегка циничного антипсихологизма интеллектуалов. В известном анализе Барта, анализе любви как архива дискурсивных фигур, есть этот род рафинированного sentimentalизма, меланхоличное коллекционирование фигур. Реальность любви, которую можно было бы описать как событие или практику, имеющую, в том числе, и политические следствия, выносится за семиологические скобки. “Там” ничего нет – гулкая пустота невозможностей желания, или алиби сексуального акта, который не является ни необходимым, ни достаточным. Размышления о “даре” (какую бы роль, не играло это понятие в других теоретических контекстах) также кажутся прекраснодушной sentimentalной идеологией... Мне хотелось бы найти такую констелляцию, в которой любовь была связана с практикой и историей. В этой связи я хочу обратиться к известной в поп-искусстве драматической композиции – “любовь на фоне исторических событий” (образцовая в своей комичной чрезмерности модель – фильм “Титаник”). Необходимо - в духе позднемаркстсткого анализа массовой культуры - вскрыть репрессированное утопическое содержание этого материала.

Обычно считается, что это примитивный постановочный ход, который низводит Историю до эффектного костюмированного задника sentimentalной истории. Катастрофическое, переломное событие сталкивает героев, позволяет завязаться интриге; как правило, оно позволяет ввести в игру архаическое измерение утраты и самопожертвования. Комическая переоценка любовных переживаний героев на фоне рушащихся башен, кипящей лавы, тонущих кораблей, гула сражений, криков революционных толп не есть лишь способ идеологической натурализации исторического или либидонально заряженная аранжировка фантазма. Все дело не только в формальной драматической эффективности, а в том, что каждая любовь – вещь приватная, чуть ли не “мелкобуржуазная” - упорно ищет этого размыкания в Истории. Не банальный “резонанс”, а неразличимость исторического события, любовного домогательства и высказывания: финальные мизансцены выяснения отношений Бенямина и Аси Лацис случились во взорванной революцией Москве, когда “все фактическое уже стало теорией”... или когда приближающийся разрыв делал отношения ирреальными?

Если субъект невротизирован нехваткой любви, то даже самая полная и счастливая любовь отмечена нехваткой истории. Отсюда род “подвига”, или “безумства”, которое совершается in passion, в этом странном “измененном состоянии сознания”, и, порой, становится историческим событием, или, по меньшей мере, радикально меняет биографическую историю субъекта. И это не побочное иррациональное безумство – а раскрытие ключевого момента, устремленность love story к Истории. Love History.

И движение дальше. Любовная диада как модель бесклассового общества (в “реальной жизни” она действительно способна ломать межклассовые перегородки). Практика любви имеет свою рациональную, предельно реалистичную телеологию - изменить мир, универсализировать тот свободный эйфорический порядок вещей, который в ней раскрывается. Итак, в любви, несомненно, есть революционный, политический импульс. Хотя консервативные, реакционные структуры способны его перехватить, свести к конформной душеспасительной sentimentalности, - как правило, религиозного порядка. Или к либеральной гигантомании секса - групповой оргии, которая претендует на статус исторического события, как в романах Мишеля Уэльбека. Даже явно политизированное пацифистское no war make love, пожалуй, остается в рамках апеллирующей к “здравому смыслу” концепции либерального выбора (более предпочтительного приватного “досуга”).

Оксана Тимофеева:

Естественный и банальный ход вещей, связанный с нашей повседневностью, социальностью и т.п., исключает любовь как девиантную форму, более того – как фатальную и грубую ошибку, могущую обернуться катастрофическими последствиями. Если существует какая-то связь между любовью и капитализмом, то последний и есть та современная система нормализации и исключения, благодаря которой любовь изгоняется на периферию миров, самый совершенный из которых – мир без любви. И секс, и sentimentalность, и эстетика “приключения” как малой истории (love story) служат исключаяющими и/или нормализующими любовь средствами. Ошибочным и преступным, недопустимым и в высшей степени опасным в любви является то, что она не терпит отождествления времени и денег. Попросту, время любви не измеряется деньгами. Отсюда испытываемая любящими иллюзия, что мы попали в ситуацию безвременья или вечного возвращения – того же самого слова, лица, того же самого мгновения. Это мгновение представляет собой крушение и разрыв благообразного и умного повествования некой истории, в которой мы якобы принимали деятельное участие, однако делали это самым конформистским образом: лгали себе и другим, работали за паршивый интерес. Застигнутые врасплох неожиданной любовью, мы понимаем, какое малое значение все это имеет теперь, когда условность твоего или моего индивидуального существования уничтожается простым присутствием другого. Чтобы любви осуществиться, нормальный и единственный ход вещей должен потерпеть поражение. Ибо сам он и есть попытка уйти от этого мгновения.

Вся жизнь Эдипа была усилием, направленным на то, чтобы только избежать воли богов с тех пор, как он узнал о ней от оракула. И вот, она осуществляется, эта воля – но неестественным образом, вопреки всему, необходимость осуществляется как что-то совершенно невозможное, как то, чего ни в коем случае не должно было произойти. Нейтрализация этого события, запрет на его повторение или вечное возвращение обретает форму назидательного рассказа, love story – о том, чего в реальной истории не может иметь места быть. Отождествляя время и деньги, капитализм оказывается гораздо более совершенным механизмом, чем кажется – внутри себя он просто не оставляет для любви никакого шанса. Ее единственный шанс, или случай – сбой в работе этого механизма.

На уровне реальной Истории неизбежность коммунизма – любви и свободы – сродни “воле богов” греческой трагедии. Он неизбежен, конечно, – но только вопреки логике как бы естественного исторического развития, в основе которого лежит слепое усилие избежать.

Коммунизм уже здесь - ученый видит его в железной логике своих выкладок, подтверждаемой происходящим за стенами его кабинета. Политический активист видит в никогда не исчезающей воле трудящихся к самоорганизации и к борьбе за свое освобождение. Да, иногда эта воля практически сходит на нет, но никогда не исчезает полностью и всегда стремится к возрастанию – так понимаем Историю мы, марксисты. И каждый – буквально каждый – из нас может увидеть коммунизм здесь и сейчас, в непосредственной близости к себе. Для этого достаточно влюбиться. Я не буду описывать, что чувствуют влюбленные, не мое это сейчас дело. Главное вот что: разве кто-нибудь будет спорить, что влюбившись, мы хотя бы на время оказываемся в каком-то совсем другом мире. Мире без вражды, без диктата. Мире, основанном на трепетной и искренней заботе о другом, на равноправном сотрудничестве, на уважении к личности другого, мире основанном на добре, свободе, красоте. Конечно, все эти слова звучат дико наивно и sentimentalно. Но, повторюсь, разве любой, кто был влюблен хотя бы полчаса в жизни, не согласиться, что эти слова описывают состояние любви? Да, любовь – “странная штука” и зачастую эти возвышенные чувства к другому быстро сменяются отношением, где возвышенного уже немного. Да, этот идеализированный образ любовного чувства не может не быть затронут и запятнан мерзостями окружающего нас социального строя. Да, мне могут возразить, что “любовь” вообще выдумали романтики в начале 19 века или, в крайнем случае, трубадуры в позднем Средневековье. Об этом можно и нужно говорить дальше. Но никто не может опровергнуть того факта, что сегодня, здесь и сейчас, каждый из нас может оказаться на полчаса – на час, на день, на годы – в коммунизме. И никто и никогда не убедит меня, что этот “коммунизм на двоих” обречен остаться только редкими вспышками любовного пламени в вечной капиталистической ночи. Отношения, соединяющие справедливость с желанием отдать лучшее другому, а свободу с желанием услышать и понять ближнего могут и должны быть распространены на общество в целом. Потому что как ни крути, а в нашем мире есть прогресс не только технический, но и духовный. Человечество движется вперед и ничто его не остановит в этом движении. Что-то гудит, стучит, ворочается у нас под ногами, что-то пробивается из глубины на свет, что-то настолько огромное, что дыхание этого кого-то расположено в области инфрачастот – подобно еще глухому реву приближающейся массы воды из прорванной плотины; или подобно первым, еще слабым, толчкам землетрясения. Те, кто способны чувствовать эти инфратолчки громадного, те поднимают головы и открывают глаза. Что стучится к нам? Для меня это Любовь и Коммунизм (вещи, глубоко и тесно связанные, по моему твердому убеждению). Для меня – это гул Истории в ее тектонических прорывах к Коммунизму: “Ведь чуть ли не за каждой неразрешимой проблемой сокрыт как путь ее разрешения – путь к истории” (Г. Лукач. История и классовое сознание.)

Но не надо падать в сопли и с этой стороны. Историю творит не сама по себе любовь, даже самая сильная, а борющийся класс. И уверенность в победе не означает расслабленности – наоборот. По пути к будущему обществу нам предстоит тяжелая работа и трагические испытания. Но любовь будет для нас не только будущим обещанием, но и каждодневной опорой.

Alexey Penzin: In talking about love, it is actually important to gain some distance from the ideological languages of sex and sentimentality. I am especially suspicious of the latter, since it is a reaction to the confirmation of sex as a power-apparatus and a product of the cultural industry, in its variant as a mass-cultural romance, as well as in the slightly cynical anti-psychologism of intellectual culture.

Barthes’ famous analysis of love as an archive of discursive figures is a type of refined sentimentalism, a melancholy menagerie of figurines. It places the reality of love, its status as an event or a form of praxis with political results, into semiological brackets. “There”, we find nothing but the reverberating emptiness of desire’s impossibility, or the alibi of the sexual act, which is neither necessary nor ever enough.

Considerations of the “gift” (no matter which role this notion has played in other theoretical contexts) appear as yet another form of soulful sentimental ideology...

Thus, I would like to find a constellation that might allow us to connect love with praxis and history. I would like to address the famous pop-cultural dramatic composition of “love against the backdrop of historical events”, a genre that has given rise to comically excessive models like the film “Titanic”). In the spirit of a late Marxist analysis, we need to uncover the repressed utopian content of this cultural material.

Usually, this use of history is considered as a primitive scenic device, which reduces History to the spectacularly costumed horseman of one single narrative. A catastrophic event, a rupture, a revolution will bring on the collision of two heroes, allowing the plot to unfold: as a rule, it allows the introduction of the archaic dimension of loss and self-sacrifice. The comic overvaluing of long-suffering love against the scenery of crumbling towers, bubbling lava, sinking ships, the noise of battle, or the cries of revolutionary crowds is not simply a means of naturalizing history, a libidinous infection of the phantasm’s arrangement. Its essence does not simply lie in its formal dramatic effect. Instead, it means that every love, something private, even “petit bourgeois”, stubbornly searches for this disjunction in history.

This is not trivial “resonance”. Instead, historical events, love’s harassments, and words become impossible to differentiate: the final scenes of the love-affair between Walter Benjamin and Asja Lacis took place in the exploded Moscow of the post-revolutionary period, when “facts had already become theory”. Was it this approaching break or rupture that made their relationship so unreal?

While the subject is usually neurotic with the lack of love, even the most complete and beautiful love is marked by a lack of history. This is the source of the “heroism of a mad endeavor”, undertaken in passion, in that “strangely altered state of mind”, becoming a historical event or at least radically changing the subject’s biographical history. This is not simply the accident of irrational madness, but the revelation of a key moment, the love story’s drive or attraction to History. Love History.

Moving on: the dyad of lovers as a model of a classless society (in “real life”, it is actually capable of breaking down class boundaries). In fact, the praxis of love is motivated by its own rational, extremely realistic teleology, namely to change the world, to universalize the free and euphoric order of things which it will reveal.

In this sense, there is – without any doubt – a revolutionary, political impulse in love, even if conservative-reactionary structures are capable of taking it under control, reducing it to the conformist soul-saving sentimentality of what is usually a religious order. They will also relegate love to the liberal gigantomania of sex: group orgies that claim the status of historical events, as in the novels of Michel Houellebecq. Even the clearly politicized pacifist imperative of make love, not war is still bound to the framework of the “common sense” appeal of the liberal choice’s political conception (as a favorably private form of “recreation”).

Enlightened cynicism is a means of controlling this explosive stretch of no man’s land between objectified sexuality (dead love, much like alienated labor) and impotent sentimentality (love that attempts resurrection in the barometric chamber of mass culture’s pseudo-religious images), between power and reaction.

A thousand couples, madly in love, storming the Winter Palace – this kind of revolution would have been impossible to betray.

LOVE HISTORY

Vladislav Sofronov-Antomoni: Your refined

text is far too starry-eyed for my taste. Yet I do not want to condemn it. Instead, it is something I want to radicalize. Seen through the Marxist class approach, the essence of our epoch lies in the struggle of the working-class against the class of exploiters; the proletariat pitted against global capital. This struggle will result in the overthrow of capitalism and in the victory of new type of sociality - to the victory of communism. Hence, the main question needs to be formulated as follows: which place does love occupy in this struggle? Which role can it play?

Here, it is necessary to avoid two extremes. The first is the hippie’s “revolution through love”. We will love one another and call upon the others to love, and soon or later, the world will change beyond recognition.

The other extreme lies in “revolutionary rigorism”: “How dare you to speak of beautiful schmaltz like love, when the vampire of capitalism is sucking us dry day by day...” etc.

How it is possible to describe what is in between these two extremes?

First, one should never forget that the fighters for communism were not inspired by a hatred for the past as much they were driven by a love for the future. Though this balance has been subject to historical variation, though any communard can be guided by hatred, we should not hate but understand and change, laughingly leaving behind the leaden nastiness of capitalism.

Second, our confidence in victory is based not upon dreams and moral conviction (even if it also finds its sources here). Instead, it is based on scientific analysis and strict calculation, which have already been confirmed through centuries of struggle. Capitalism is pregnant with communism; the logic of capitalism carries the seeds of its own destruction. Capitalism’s own economic laws aggravate its immanent contradictions. Sooner or later, these contradiction will become irreconcilable. With its own flesh and blood, capitalism feeds the huge entirety of a social class that will one day overthrow the empire of hard cash and easy money.

This means that communism is already present in the world. For now, it only exists as an embryo and a project, as

the vague dream of the many and the strict knowledge of the more acute. (When the energy and force of the many enters into a union with the intellectual sharpness and conviction of the firmest, coming together in the form of democratically organized mass working-class organizations with precise political programs – we shall finally prevail.)

And everyone - literally every one of us - can see communism here and now, in its immediate proximity. To do so, it is enough to simply fall in love.

I do not want to describe what lovers feel; this is not my present goal. But the most important thing consists in the following: will anyone really try to dispute the fact that we find ourselves in a completely different world, once we have fallen in love? A world without enmity, without dictatorship. The world based on tremulous and sincere care for the other, cooperating on the basis of equal in rights, in respect for the other’s personality, in a world based on kindness, freedom, and beauty. Certainly, all these words sound wildly naive and sentimental. But, at the risk of repeating myself, anyone who has been in love for at least half an hour in their life will agree. These words describe the state of love.

Yes, “love is strange”. Frequently, its lofty feelings toward the other are quickly replaced by a form of relating that is far from lofty. The problem is that this idealized image of love is inevitably touched and soiled by the nastiness of the social order that surrounds us. You might answer that “love” is actually a courtly construct, invented by the Romantics during the early 19th century or the Troubadours of the late Middle Ages. And indeed, this is something we should speak about at greater length.

But nobody can deny that each of us can reach communism today, here and now, for half an hour, for an hour, for a day, for years. And anybody will ever be able to convince me that this “communism for two” is doomed to remain nothing more than a rare flash of love’s flame in the eternal capitalist night. Combining justice with the desire to give to best to the other, freedom with the desire to hear and understand the person closest to you, we must spread this form of relating to society at large.

Because no matter what you say, our world is not only progressing technically; progress is also spiritual. Humanity is moving forward. Nothing can stop this movement. Something is booming, knocking, revolving underfoot, making its way from the deep to daylight, something so huge that its breath rumbles as an infra-frequency, much like the indistinct roar of an approaching mass of water from a broken dam, like the first tremors of an earthquakes, still weak and barely perceptible.

If you are capable of feeling these infra-tremor of something massive, you will raise your head and open your ears, asking what exactly is knocking at our door. For me, this is Love and Communism, two things of whose deep connection I am firmly convinced. For me, this is the rumble of history in its tectonic outbreaks toward Communism: “Almost every insoluble problem hides the path to its solution – the path to history” (G. Lukacz. History and Class Consciousness).

But there is no reason to get cheesy and schmaltzy. It is not love – even the strongest love of all – but class-struggle that makes history. And certainty in victory does not mean slackness – quite on the contrary. Our path to society’s future is paved with hard work and tragic trials. Yet along this road, love will not only be a promise of the future but our foothold in the everyday.

Oxana Timofeva:

The natural and banal course of things of daily life, sociality etc., excludes love as a deviant form, a fatal blunder, a gross mistake, constantly in danger of producing the most catastrophic consequences.

If there is any connection between love and capitalism, its last instance lies in the modern system of normalization and exclusion, through which love is expelled to the periphery of our worlds, the most perfect of which in a world without love. Sex, sentimentality, and the aesthetics of “adventure” as minor history (love story) serve the purpose of excluding or normalizing love.

Love is erroneous, criminal, inadmissible and extremely dangerous because it does not tolerate any complete identification of money with time. To put it simply, love’s time cannot be measured in money. This is the source of the lover’s illusion of a timelessness and endless return, as the same words, the same face, the very same moment are repeated again and again. This moment of returns presents itself as an explosion or a rupture in a narrative that is comely and rationally ordered. Although we once seemed to be taking part in this narrative’s construction, we were participating in the most conformist of ways: deceiving ourselves and the others, we were working for our scabby personal interests.

Caught unawares by unexpected love, we understand what a small meaning all of this has now, as your or my individual existence is eradicated with the presence of the other. For love to be consummated, the “one and only name of the game” needs to suffer a defeat, since love itself is an attempt at escaping this moment.

Oedipus’ entire life was a protracted effort to avoid the will of gods, ever since he discovered his fate from the oracle. This will is carried out, although unnaturally, against everything. Necessity is carried out as something completely impossible, as something that should have never taken place at all. The neutralization of this event, the interdiction of its recurrence or its eternal return takes on the form of an instructive tale, a love story about something that can have no place in history’s reality.

Identifying time with money, capitalism turns out to be a far more perfect mechanism than it would initially seem. Its inner logic does not simply preclude the any chance for love’s occurrence. Love’s only chance – its only occurrence – is a disruption in the machine’s functioning.

In terms of historical reality, the inevitability of communism – as love and freedom - are similar to the “divine will” of the Greek tragedy. While communism is certainly inevitable, it is only possible as a contradiction of history’s “natural” development, based on the blind effort of escaping.

We love yet we don't know what love is.
But we want to be equal!

How do you love a woman, if you want
to eat her up alive?

Sorry, Julia

You know how to fall in love with her.
But not how to love her.

*Девушка переходит все границы
(Из подслушанного на улице разговора, 15.04.04).*

Сырое петербургское утро. Комната в беспорядке. По полу валяются бутылки водки, окурки и использованные презервативы. В беспорядке и одежда Коли и Юли, которые сидят на полу и задумчиво курят. Юля в рубашке Коли, Коля в полотенце Юли.

Юля: Кто я такая, чтобы кого-либо любить?
Коля: Я знаю, как любить ребенка, отправляя его в мир. Но как любить женщину, которую скорее хочется съесть?
Юля: Ты знаешь, как ее влюбить.
Коля: Но не любить.
Юля: Ну что ж, Бог с ней, с любовью – сделай мне ребенка, я буду как мои подружки весела.
Коля: Так мы оба имеем, значит, право любить ребенка?
Юля: Да, на это у меня хватит веры в себя. Но кажется, именно потому, что в ребенке я себя куда-то отправляю, как конверт. Любить свысока, как любит Бог, значит прятаться в высоту большого. Но как любить равного и, снedaемая им, дарить ему свободу?
Коля (нежно дотрагиваясь до Юлиного бедра): Будь мальчик, Юля! Юля оскорбленно вскакивает и убегает в ванную.

Звонит звонок в дверь. Коля судорожно натягивает брюки и идет открывать. Входят друзья: иностранец Z. с его русским переводчиком Магуном. Оба только что вернулись из альпинистского похода на Эльбрус, но уже успели где-то изрядно поднабраться.
Z. Здравствуй, Коля. Где же Юля? Мы надеялись на смешанную компанию.
Коля (смущенно). Сейчас, конечно, одну минуту. (Кричит) О Юля, Юля!
Юля (выходит нагая как свобода, краснеет, но быстро набрасывает на себя одеяло): Коля, отдай мое полотенце! Как хорошо, что пришли знающие люди. Скорей скажите, что вы знаете, а то я волнуюсь.
Z. Ужас что творится. Мы видели с гор. Все люди равны, но они друг друга не любят.
Магун: Они убивают друг друга как непослушных детей.
Z. Они пугаются друг друга как звери.
Магун: И себя они тоже не любят, но очень боятся.
Коля: Мы же любим, но любви не знаем. Но мы хотим быть равными!
Юля: Равные знают, на что равняться! И я хочу знать! Что вы нам посоветуете?

Z. Есть ли у вас пиво, дорогие чужеземцы?
(Пива нет, но оно всегда есть у соседки Коли с Юлей, Варвары. Приходится пригласить и ее в гости. Она приходит с тремя банками пива Пит. Волосы Варвары раскрашены в зеленый цвет. Z наливают пива).
Z (задумчиво): Разве я советую вам любовь к ближнему? Скорее я советую вам бежать от ближнего и любить дальнего!
Коля: Мне кажется Юля, что он предлагает тебе свою кандидатуру.
Z. Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему; выше еще, чем любовь к человеку, ставлю я любовь к вещам и призракам. Вы не выносите самих себя и недостаточно себя любите: и вот вы хотели бы соблазнить ближнего на любовь и позолотить себя его заблуждением.
Коля: Но это абстракция какая-то. Так всегда у вас, иностранцев. Вместо Юли, вы предлагаете мне какого-то грядущего Чингачука.
Магун: Нет, он не это имел в виду. Просто сейчас такое время, что исчезло и ближнее и дальнее.
Z. Нету пафоса дистанции.

Магун: Дай мне сказать. Ты уже высказался. Так вот, мы барахтаемся в беспристрастном мире, как лягушки в болоте. Ирак близко или далеко от Америки? Он и то, и другое сразу, или ни то, ни другое, поэтому они устраивают там войну, и в то же время устанавливают демократию. Но любовь есть отпечаток дальнего в ближнем или внутреннем. В момент, когда Коля обнимает Юлю, между ними разверзается бездна. Современность началась с географической любви – поиска Эльдорадо со смуглыми девами. Нашли, но к сожалению сразу аннексировали, а дев изнасиловали. Тем не менее это Эльдорадо стоит неотступно за нынешней глобализацией, как поруганный и поэтому закрывшийся рай, заповедный прообраз Земли. Любовь же разверзает и республикански обустроивает экзотическую страну (утопию) здесь и теперь, в прозе повседневности. Потому она – политическая страсть. Любовь без аннексий и контрибуций.

Юля: Красиво разговариваете, Артемий. Уши девушек любят красивые слова. Я Колю ни в какое Эльдорадо отпускать не собираюсь. Только сифилис привезет.
Коля: Вот-вот! Не должен ли любящий давать возлюбленному свободу?
Юля: Да, но на это у меня нету сил. Я слишком слаба, чтобы противостоять силе притяжения...
Магун: Которую Эмпедокл называл любовью.
Юля: Ах, расскажите мне об Эмпедокле.
Z. Он был пессимистом и плохо кончил, этот певец слепой любви и слепой ненависти.
Магун: Да, но его открытие – в неотделимости любви и вражды.
Z. Есть ли уши для моего определения любви?
Юля: Да, вот (показывает).
Z. Любовь - в своих средствах война, в своей основе смертельная ненависть полов.
Магун: Возможно, что только война и позволяет любящим добиться взаимного признания и отстраненного уважения, которого так не хватает сегодняшним государствам и гражданам. Любите врагов ваших...Враг, говорил Шмитт, это тот кто ставит тебя под вопрос. Значит, ты ему интересен. И горе тому (опять Шмитт), у

кого нет врага. Но ведь с другой стороны бывает и слепая вражда, не знающая любви...
Варвара: Вы с вашим иностранцем шпарите как по писаному! Я читала что-то подобное у Ницше. Он вообще женщин предлагал плеткой бить, а сам подойти к ним боялся. Вот и у вас одна болтовня пустая. Кто хочет со мной трахаться – пусть вежливо себя ведет и комплименты говорит, а не хочет, скатертью дорога. О чем базарить-то? А ты тоже сидишь Юля, уши поразвесила. Если им что не нравится, пусть излагают в письменном виде и присылают, вместе с букетом. Таких философов я тебе в соседнем баре до кучи найду, да посимпатичнее и помускулистее.
Магун: Обидно, Варвара. Что ты наезжаешь? Мы же спокойно тут беседуем...
Варвара: Правильно, чего ж тут волноваться: строите из себя орлов, а бабы и рады слушать и слушаться. Если хотите войну полов, то и получайте ее, но тогда никакой любви я вам не обещаю.
Юля: Действительно, половоители вы мои - вы сами-то хоть любите женщин? Или только знаете их издали?
Z. К счастью, я не намерен отдать себя на растерзание; современная женщина терзает, когда она любит...Знаю я этих прелестных вакханок... О, что это за опасное скользящее, подземное маленькое хищное животное! И столь сладкое при этом!...Маленькая женщина, ищущая мщения, способна опрокинуть даже судьбу. – Женщина несравненно злее мужчины и умнее его; доброта в женщине есть уже форма вырождения...
Магун: Получается, что женщина – это вечный партизан, игрок без правил. Поистине персонаж нашего времени. Наша консервативная ностальгия по времени уважающих друг друга, но воюющих императоров, наверное типично мужская.
Коля: Ну и что плохого? Женщине тоже не помешала бы небольшая прививка мужского...Пока, по-моему, феминизм производит каких-то зомби обоих полов. Хочется все-таки научиться смотреть любви в глаза, а не пялиться постоянно в глаза смерти.
Варвара: Правильно, вы хотите, чтобы вам все в глаза заглядывали, таскали пиво и гадали, чего вы еще желаете. Надоели эти напыщенные петухи, я тоже хочу покомандовать.
Юля: Пока что, ребята, вы умеете только кричать любви в уши...
Z. Да, но вы нас постоянно соблазняете своими расспросами – поэтому неизвестно еще, кто здесь командует. Когда мы разговариваем, то заигрываем с миром, изучая его силовые линии. Философия – это как бы Vorspiel, и для нее нужно, конечно, терпение. Вещая с авторитетным видом, мы не подавляем вас своей властью, а скорее заражаем ею – подавляют же нас те, кто лицемерно говорит: “никакой власти над другими”, “не дай Бог вам возвыситься над ближним, удалиться от него”, “не дай Бог вам быть высокомерным мужчиной”, “не дай Бог вам быть слабым и женственным”. Мы не слушаем голоса моральной корректности, который запрещает нам обижать других; мы не согласны удовлетворяться достигнутым и надеяться на прогресс. Мы откликаемся (пока можем!) только на один, женский императив, который всегда говорит “еще”, во всех смыслах слова.
Магун: Кстати о смыслах слов, мы сами должны прислушиваться к собственному голосу, т.е. к голосу языка. Найти силу для любви в наводимой ею слабости – трудная задача. Но искать ее следует в любви к любому, к кому и чему угодно, по латыни quodlibet. Любовь содержит в себе момент произвола (не моего или вашего, а вообще произвола), который позволяет нам в видеть в любимой вещи...
Варвара: Вот-вот, всегда вещи!
Магун: ...ее любую и любую сущность. И высвободить это любое – материю возможности – в нас самих. Именно любовь позволяет нам любоваться плотью, то есть слепым безымянным веществом мира. Поэтому любовь – революционная сила – она не знает границ и определений, она призывает и освобождает всех без разбора.
Юля: Ну не всех, а тех, кого конкретно ты любишь.
Магун: Да, но ты любишь в возлюбленном любого, и любишь его любым, каким бы он ни был. И поэтому знаешь, что могла бы полюбить каждого, первого встречного, как храмовая проститутка.
Юля: Женщина слаба... Могла бы наверное и первого встречного...
Коля: Да, но я надеюсь, на всех угнетенных мира тебя не хватит.
Юля: Нет, я правда хотела бы, чтобы люди освободились. Но не я же их закрепощала! Я даже их не рожала! У меня нет таких сил, чтобы освободить всех, кого угодно! Я же не Врачи без границ!
Z: У женщины нет ничего невозможного – так сказала мне сегодня одна ваша babushka.
Коля: Ну, это знает любой дурак.

В это время снова спустились сумерки, и комната осветилась серым трезвящим светом любви.

Прим. автора: Многие высказывания Z. позаимствованы им из различных произведений Ф. Ницше: “Так говорил Заратустра”, “Генеалогия морали”, “Ессе Ното”, “Борьба науки и мудрости”. Ницше вывел любовь из привычных рамок морали, сентиментальности и метафизики, “по ту сторону добра и зла” - и позволил говорить о ней удивленно, как говорят персонажи этого диалога.

Artem Magun | Between the Feasts of Love /// A Dialogue

The girl goes beyond all borders
(From a street conversation, 15 April 2004).

A humid Saint-Petersburg morning. A room in disorder. Bottles of vodka, cigarette ashes, and spent condom cover the floor. The clothes of Kolya and Yulia, who are sitting on the floor and smoking pensively, are also in disarray. Yulia is wearing Kolya’s shirt. Kolya is wearing Yulia’s towel..

Yulia: Who am I to love someone?
Kolya: I know how to love a child, in sending him or her out into the world. But how can I love a woman, whom I would rather eat?
Yulia: You know how to make her fall in love.
Kolya: But not how to love.
Yulia: Well, forget about love and make me a baby. I’ll be happy like my girlfriends.
Kolya: So we both have the right to love a child?
Yulia: Yes, I will have enough faith in myself. But it seems that this is because, in the child, I’m sending myself somewhere, like an envelope. To love from above, as God loves, means to hide in lofty heights. But how do you love an equal? If you are consumed by him, how can you set him free?

Kolya: (touching her hip tenderly): Yulia, be a boy!
Yulia is insulted. She stands up and goes to the bathroom.
The doorbell rings. Kolya rapidly pulls on his pants and goes to open the door. Enter two friends: the foreigner Z. and his translator Magun. They have both just returned from an Alpine expedition, and have had time to get quite drunk somewhere.
Z.: Hey Kolya. Where’s Yulia ? We were hoping for co-ed company...
Yulia (comes out of the bathroom, naked like freedom, gets red from shame, then covers herself with a blanket). Kolya, give me back my blanket! Oh, how great that some people of knowledge have come! Please tell me what you know immediately, I can’t wait to hear.
Z.: It’s terrible what goes on. We saw it from the mountains. All people are equal but they don’t love each other.
Magun: They kill one another as one punishes naughty children.
Z.: They are scared of each other, like beasts.
Magun: They don’t love themselves either, but they are very afraid of themselves.

Kolya: We love, but we don’t know love. But we want to be equal!
Yulia: The equals know their model. I want to know as well! What would you advise?
Z.: Do you have beer, dear foreigners?
(There is no beer, but the neighbor, Barbara, always has some. So they have to invite her, too. Barbara comes with three beer cans. Her hair is painted green. They pour Z. some beer)
Z (pensively): Do I advise you to love your neighbor? Rather do I advise you to neighbor-flight and to furthest love!
Kolya: No, Yulia, there was nothing between me and Barbara, don’t believe him!
Z.: Higher than love to your neighbor is love to the furthest and future ones; higher still than love to men, is love to things and phantoms. You cannot endure it with yourselves, and do not love yourselves sufficiently: so you seek to mislead your neighbor into love, and would fain gild yourselves with his error.
Kolya: But this is an abstraction! You foreigners are always like this. Instead of Yulia, you’re offering me some Juggernaut to come!
Magun: No, that’s not what he meant. It’s just that nowadays, both the proximal and the distant disappear.
Z.: No pathos of distance.

Magun: Let me tell now. You’ve already spoken. So, we are like frogs wallowing in the marshes. Is Iraq close or far from America? It’s both, and neither at once. That’s why they make war and establish democracy at the same time. But love is an imprint of the distant in the proximity, or in the interiority. At the moment when Kolya embraces Yulia, an abyss opens between them. Modernity began with geographic love – the search for an El Dorado with dark-skinned maidens. And they found it, but annexed it immediately, having raped all the virgins. However, this El Dorado stands behind today’s globalization, like a paradise, desecrated and lost, a reserved proto-image of Earth. But love opens up an exotic land (utopia) in the everyday life of here-and-now, in the prose of the everyday, giving it a republican constitution. This is why love is a political passion. Love without annexations or contributions.

Yulia: You speak beautifully, Artemy. The ears of girls love beautiful words. But I am not going to let Kolya go to any El Dorado. He will only return with syphilis from over there.
Kolya: Here you go again. Doesn’t the lover have to give freedom to the one he or she loves?
Yulia: Yes, but I don’t have the strength to do that. I’m too weak to resist the force of gravitation...
Magun: Which was named love, by Empedocles.
Yulia: Please, tell me about Empedocles!
Z.: He was a pessimist, and he finished badly, this poet of blind love and blind hatred.
Magun: Yes, but his discovery was the inseparability of love and hate.
Z.: Are there ears for my definition of love?
Yulia: Yes, here (points at her ears).
Z.: Love, in its means, is war; its grounds are the mortal hates between the sexes.

Magun: It is possible that only war lets lovers to achieve mutual recognition and distant respect, which is lacking in the relation of states and citizens today. Love your enemies, as it is said... Carl Schmitt defined the enemy as the one who puts you into question. That means that this enemy is interested in you. And (Schmitt again) woe to the one who has no enemy! But, on the other hand, there can exist a blind hostility that does not know love...
Barbara: You and your foreigner, you speak as though you were reading! I read something like this in Nietzsche. He even proposed to beat women with a lash! But himself, he was afraid even to approach

them! Same with you – just idle chatter. If you want to fuck me, for instance, then be polite and make compliments, and if you don’t, just fuck off. What’s the point of discussing? And you, Yulia, should not sit here quietly! If they don’t like something, let them write it down and send us by mail, preferably attached to flowers. I’ll find philosophers like this for you in the next-door bar, they will be nicer and with muscles.

Magun: Why are you so offensive, Barbara? We are talking here, quietly...
Barbara: Of course, what’s the point of worrying: you pretend you are tough guys, and the stupid chicks are happy to listen and obey. If you want a war of sexes, you can get it, but then I won’t promise you any kind of love!
Yulia: In fact – my dear sex warriors – do you actually love women? Or do you only know them from afar?
Z.: Fortunately, I do not want to let tear me apart: the true woman tears one apart when she loves!.. I know these loveable maenads!.. Oh, what a dangerous, crawling, subterraneous small predator! And so sweet one, at that!.. A small woman who seeks revenge, she can even knock down the destiny! - Woman is unspeakably more evil than man, and more intelligent; the good is in a woman already a kind of degeneracy...

Magun: It turns out that the woman is an eternal partisan, playing against the rules. Truly a personage of our time. Our conservative nostalgia about the time of the emperors who respected each other but still fought wars, is probably typically masculine.
Kolya: So what’s so bad about this? A graft of the masculine would not hurt to a woman... So far, feminism has only produced zombies of both sexes. It would be desirable to look into love’s eyes rather than to stare constantly into the eyes of death.

Barbara: Right, you want everyone to look into your eyes, to bring you beer and to guess what else you want. I’m fed up with these peacocks, I also want to be a boss.
Yulia: So far, guys, you know only how to scream into love’s ears...

Z.: Yes, but you constantly seduce us by your interrogations – so it is not yet clear who is the boss! When we speak, we play with the world, by studying its lines of force. Philosophy is like foreplay, and it requires patience, of course. When we speak with an authoritative posture, we do not repress you with our power, we rather contaminate you with it. Repression comes from those who say: “no power over others”, “God forbid you show superiority over your neighbor or distance yourself from him or her”, “God forbid you become an arrogant male”, “God forbid you to be weak and feminine”. We do not follow the voice of the moral correctness that forbids us to offend others; we do not want to be content with what is and to hope for progress. We respond (as long as we can) one, feminine imperative, which always says “encore”, in all senses of this French word.
Magun: Speaking of the word meanings, we should also listen to our own voice, that is, the voice of the language. To find the force of love in the weakness it induces, is a hard task. But we have to look for it in the love for whoever: in Russian, love and whoever are words of one root (liubov’ and liuboy). Same in Latin: whoever is quodlibet. Love contains in itself an arbitrary moment (not of my or your arbitrary will, but a moment of the arbitrary), which lets us see in the beloved thing...

Barbara: Exactly, always a thing!
Magun: ...its beloved and arbitrary essence. Love lets us liberate this arbitrary – the matter of possibility – in ourselves. This is love that allows us to see the flesh, that is the blind nameless stuff of the world. And therefore love is a revolutionary force. It does not know borders or definitions, it calls and liberates everyone equally, without distinction.
Yulia: Not everyone but those whom you love specifically.
Magun: Yes, but you love in your lover the whoever, you love whatever he or she is or does. And therefore you know in principle that you would be able to love anyone, the first comer, like a temple prostitute.

Yulia: A woman is weak... I could probably...
Kolya: Yes, but I hope that you don’t expend yourself on all of world’s oppressed.
Yulia: No, I really want all people to be free. But it was not me who put them into chains! I didn’t even give birth to them all! I don’t have enough force to liberate everyone! I am not Médecins sans frontières!
Z.: With woman, there is nothing impossible – so a Russian old lady, babushka, told me today.
Kolya: So what everyone knows that...
Dusk has fallen. The room is lit by the grey sobering light of love.

* Many statements of Z. are borrowed from various works by Friedrich Nietzsche: “Thus spake Zarathustra”, “Genealogy of Morals”, “Ecce Homo”, “The fight between science and wisdom”. Nietzsche liberated love from the usual frame of morality, sentimentality, and metaphysics. He was able to speak about it “beyond good and evil”, with a surprise – and the participants of this dialogue talk about it in the same way.

How can I love someone as an equal, and set them free in doing so?

Until now, feminism has made zombies of both sexes.

So do YOU really love women? Or do you only know them from afar? I still want all people to be free!

I hope you don't have enough energy left over for all of the world's oppressed... Fuck off, what am I, Doctors without Borders or something?!!!

Д. Я помню, как в начале вашей работы с Цаплей вы стремились дистанцироваться от определения своего творчества в рамках феминисткой традиции, в тоже время вы активно сотрудничали с главными фигурами местного феминистского дискурса с Аллой Митрофановой и Ирой Актунановой, участвовали в работе кибер-фемин блока в рамках Документы 10. Что изменилось за последние годы? Как ты заново очерчиваешь свою позицию?

Г. В нашем искусстве всегда шла речь о внутреннем мире, о поэтизации обыденности, нам хотелось, чтобы не было скучно, депрессивно, чтобы рутина и быт превратилась в бесконечный захватывающий дух перформанс. Нас с Цаплей объединила любовь к приключениям, а это желание всегда связано с тем, чтобы быть “наоборот” по отношению к существующему порядку вещей. Мы много работали с одеждой и с людьми, вовлекая их в свою жизнь и творчество. И так как мы женщины, то в произведениях это неизбежно отражалось. Тогда мы считали, что феминизм - это когда женщины выходят с лозунгами: “Долой Мужчин!” Мы были уверены, что область политики это что-то нечистое, что заниматься политикой это пошло. Но сейчас, все меняется, мы уже лучше разобрались в вопросах внутреннего устройства и понимаем, что это все связано с обществом, и важно найти свою активную роль в социуме.

Д. Согласен, ещё в середине 90ых, в Петербурге, в отличие от Москвы, где многие ведущие художники прошли выучку в реальной работе полит-технологов, политика воспринималась как совершенно отчужденная коррумпированная сфера, которая не достойна внимания. У нас скорее ставился акцент на погруженности в личный мир, в дистанцирование от реальной политики, как радикальная форма романтического сопротивления.

Г. Что значит реальная политика? Когда все вокруг крутится в “публичном”, то художники из протеста устремляются в то место, которое находится в сфере приватного. Соответственно и наоборот - сейчас, когда вокруг все тяготеет к “приватному”, нужно устремляться к коллективному, к идеям объединения, делать приватное публичным. Но при этом интерес к внутреннему миру всегда останется наиболее важным для художников.

Д. Да, но надо четко понимать, что когда мы сегодня заговорили о политизации искусства, то мы говорим о некой утопической возможности пересмотреть свою позицию в обществе, найти НЕ перехваченные обществом потребления - через масс-медиа или же институции, способы влияния на социум. Мне кажется, что сегодня наиболее актуально выстраивание непосредственной работы на микро-уровне: личным примером, задействуя формы непосредственного обращения. В этом плане, в нашем развитии есть преemptивность - это дистанцирование от индустрии культуры. Можно сказать, что мы сами себе институции, без бюрократических надстроек, коррупции и мы способны при этом демонстрировать высокую эффективность работы. Как ты видишь возможности участия в социальной жизни и как твоё искусство способно влиять на социум?

Г. Мой проект, связан с перформансом. Магазин - это форма такого длительного перформанса. Я работаю с молодыми девушками, которые производят определенные объекты - одежду и предметы, которые там продаются. Это не обычная одежда - а одежда, которая выражает переживания человека. Раньше я все делала сама. Я уверена, что в моих работах отразились последствия советской системы - недостаток внимания к чувствам, внутреннему миру. Мама недавно сказала: “Нас учили, что частная жизнь вообще, любовь, семья это не главное - главное это работа.” Была постоянная нехватка частного личного пространства. Все мои объекты, которые я потом начала делать это, как я их сейчас понимаю манифесты скрытых желаний. Потом я поняла, что их интересней делать как коллективный проект, т.к. работа над вещами выполняет роль трудотерапии - многие монотонные женские работы - вышивать большое пятно бисером, к примеру, помогают преодолеть состояние отчаяния. А еще этот проект возник из-за Наташи Сахаровой. Была такая женщина. Она еще с бабушкой была знакома. Ходила ей рассказывать про несчастную любовь. Потом она стала пить. Муж умер. Она жила за городом, с собакой, совершенно одна и спивалась. Приходила к нам время от времени. Мы ее кормили и выслушивали ее колоритные рассказы про трудную судьбу. Однажды она спросила: “нет ли у тебя для меня работы.” И я дала ей вышивать черное пятно бисером. Это было очень сложно сделать. До нее все отказывались от этой работы. А она вышла и просветленная пришла с требованием дать ей еще работу. Мне стало ясно тогда, что эти вещи могут иметь для меня смысл, только если они кому-то реально помогают в жизни.

Д. Твои работы и то, что сейчас вы делаете совместно с девушками, явно не вписываются ни в контекст fashion продукции, ни в контекст развития питерского искусства. Для fashion они слишком личны и печальны, для питерской традиции они слишком физиологичны, в них слишком много “менструальной крови”. Можем ли мы это расценить как политическую манифестацию?

Г. Да, выражение подавленного и есть мой протест. Сейчас я рискую обрасти последователями...

Д. Это очень важное замечание, т.к. обычно подразумевается, что тот, кто дает работу, эксплуатирует, а у вас возникают другие отношения в коллективе. Как ты строишь свою работу с девушками?

Г. Девушки, как правило, не знают, что хотят - им нет места в обществе, пока ещё нет личной жизни, и у нас происходит своеобразная терапия за счет участия в трудовом процессе. Создавая какую-то вещь, они становятся участниками творческого процесса. Я учу их творчески относиться к предметам, ситуациям и вещам. Объекты, которые мы делаем, манифестируют самые разнообразные скрытые желания. Они приходят ко мне и говорят: “мне так плохо, так плохо”. Я говорю, давай делать сумку, а из сумки вылезает вышитое письмо, где написано как ей плохо. Потом она звонит и говорит, а давай выложим дно осколками стекла. Я реагирую и говорю, что человек же руку поранит, лучше мех положить, она начинает понимать - так происходит терапия. Иногда я им даю литературные задания - например: ко мне приходит девушка и начинает жаловаться, а я ей предлагаю написать о том, что её волнует. И в процессе письма и обсуждения выясняется, что она может высказать, а что скрывает и, так становится видна граница частного-публичного. Мне очень нравится то, что они пишут. Получаются особые артефакты их трепетности, их открытости миру. Главное, что возникает ощущение

нужности, не экономической, хотя это тоже есть, а просто благодарности друг другу за то, что этот процесс происходит.

Д. Сегодня художник, во многом разочарован рамками, предлагаемыми арт-системой, и стремится заново раздвигать её границы, которые при этом, конечно же, никуда не исчезают. Кажется, что он может быть кем угодно - твоя роль это роль социального работника, психолога, режиссера массовых зрелищ, модельера? И как ты выстраиваешь собственно границы проекта, как искусства - каковы его эстетические особенности?

Г. Я работаю в вполне традиционных жанрах - перформанс, объекты, видео, инсталляции, но так как во всем принимают участие девушки, то за их счет возникает много других элементов для меня чисто эстетических. Для меня девушка это нечто хрупкое и при этом очень сложное, она ещё не то и не это - она растет, в них много хаоса и мне кажется, что я работаю с ними как с материалом, который вызывает во мне чисто эстетические переживания. Но так как это взаимный процесс, то иногда можно сказать, что это они работают со мной. Мне нравится в своем творчестве отслеживать эти взаимодействия.

Д. А ты видишь этот процесс, как твоё личное взаимодействие, или же ты пытаешься развивать внутренние связи в группе?

Г. В начале я делаю ставку на персональный контакт. Но потом я всячески содействую их общению друг с другом. Но при этом я прекрасно понимаю пассивность девушек в нашей ситуации - они привыкли сидеть и ждать, когда принц придет, ничего не делать и ждать. Эти установки и надо преодолевать. Но это не просто.

Д. Ты говоришь о “внутреннем мире девушки”, о её “пустотности”, мне кажется, что подобная постановка вопроса приводит нас к наблюдению неких пассивных объектов, утративших свои социальные связи. С другой стороны и ты, и Цапля всегда занимали активную позицию, всегда выстраивали свои отношения с обществом и мужчинами, как социально активные субъекты - как ты пытаешься передать этот свой опыт девушкам и насколько это возможно?

Г. Я считаю, что без ясного понимания себя нельзя найти нормальную коммуникацию с обществом. Недавно я наткнулась на цитату Бойса. Он писал: “Для меня важна искренность. Нужно выяснить, что это представляет собой на самом деле. Нет никаких оснований скрывать свои пороки, недостатки или раны. Мир можно заинтересовать и побудить действовать только в том случае, если человек скажет: Мне нечего скрывать! Истинна в том, что я порочное, весьма несовершенно существо. И когда я показываю это другим, то начинаю тем самым творческий процесс. Эту рану, это несовершенство, эту фрагментарность нужно увидеть и лишь тогда можно будет двинуться дальше и взять у других то, что тебе самому не хватает. Вообще лишь совместные проекты двигают человечество вперед”.

Д. Понятно, что мы все несовершенны и живем в несовершенном мире. Будет полной безответственностью и идеализмом надеяться, что путем особых практик, сосредоточенных на внутренних процессах мы обречем совершенство - это уже религия. Посмотри на наших феминисток, которые это начинали - все они декларируют уход во внутреннее и затем последовательно стали религиозными людьми. А это и есть тупик социального. Я уверен, что необходимо искать внутреннее становление в политическом и социальном действии. Я читал интервью с одной простой женщиной участницей забастовки где-то в российской провинции, она не занималась развитием своего внутреннего мира, просто ей нужно было выжить. И после забастовки, противостояния милиции, мафии и начальству она четко сформулировала, что после этой победы над начальником на работе, она уже не потерпит господина дома.

Г. Можно действовать по-разному. Можно от внешнего. Для меня важно понять свою “рану”, принять свой внутренний мир, а уже потом действительно лечить её можно разными способами...

Д. Но твоя “рана” и твой внутренний мир это социальная и классовая конструкция и это надо выявлять в первую очередь!

Г. Я не согласна, даже религиозное сознание, если оно кому-то помогает, должно иметь своё место. Я не считаю, что религию нужно уничтожить - у неё тоже есть социальная роль.

Д. Да - “отium для народа”.

Г. Нет-нет, просто, может быть, мы нуждаемся в новых формах религии, и может быть искусство это тоже одна из них...

Д. Очевидно, что “это подлость говорить за Другого” - мне нравится в вашей работе то, что вы на каком-то этапе самоустраниваетесь, и даете девушкам возможность самим высказаться о себе. В тоже время, в вашей последней акции в трамвайном депо, было очевидно, что вы остаетесь такими мета фигурами, создающими пространство для этих высказываний и, тем самым, присваивающими - интерпретирующими их смысл. Как ты видишь возможности выстраивания (и нужно ли к этому стремиться) равенства позиции?

Г. Я считаю, что неравенства нет - это коллективный продукт и это важно. У нас можно сказать равенство задач - девушки, как и мы с Цаплей, всегда стремятся заново открыть себя в публичном пространстве. Просто происходит это на разном уровне - мы художницы, а они нет. Но это здесь несущественно. Если бы они стали полноценными художницами, то тогда бы это была бы проблема. Я думаю, что коллектив бы распался, а сейчас просто мы ставим разные задачи.

Д. Как ты думаешь, или как ты видишь дальнейшее развитие тех девушек, с которыми ты работаешь? Профессиональное и личное?

Г. Я надеюсь, что все люди могут стать художниками. Все девушки очень талантливые, умные, добрые. Но, я не хочу оказывать давление, главное, чтобы они стали свободными людьми, которые понимают себя. А кем они там будут уже не важно. Но если таких, какими я хочу их видеть, будет в мире все больше, то это реально изменит всю ситуацию вокруг нас. Может это и есть та политика о которой мы говорили в начале?

Д. Конечно! Точнее это не сформулировать. Но, последний вопрос, имеет ли это какое-то отношение к любви?

Г. А как же иначе? Без любви, ничего этого не добиться. Я же девушек очень люблю. Очень волнуюсь за них. И юношей. Девушки сказали, что юношей приведут в следующем году.

Factory of Found Clothes | Dialogue №1 | Gluklya /Natalya Pershina/ – Dmitry Vilensky

D. I remember that when you and Tsaplya started working together, you tried to distance yourselves from any attempt at locating your work within the framework of feminist tradition. But at the same time, you also cooperated with some of Petersburg’s key figures in the feminist cultural discourse, such as Alla Mitrofanova and Ira Aktuganova. What has changed in recent years? How would you re-sketch your position today?

G. Our art has always addressed the inner world. It’s always been about the poetization of ordinariness, so that life would stop being so dull and depressing, so that the routines of everyday life would take on the infinitely gripping spirit of a performance. Tsaplya and I were drawn together by a love for adventure; this desire was always connected to opposing the existing order of things. We worked with clothing and with people, bringing them into our lives and our creativity. Of course, our work inevitably reflected the fact that we are women. At the time, we thought that feminism is when women go out onto the barricades carrying the slogan “To hell with men!” We were sure that politics were something unclean, that it was vulgar to get involved in politics. But now, everything is changing. We have already explored the problems of the inner world’s devices quite a bit and have come to understand that all of this “inner life” is connected to society, that it is important to take an active role in society.

D. I agree as far as your description of Petersburg during the mid-1990s is concerned. In Moscow, many leading artists worked as political consultants at that time. But in Petersburg, politics were understood as something that totally corrupt and alienated, hardly deserving any attention at all. Instead, most people immersed themselves into their personal worlds. They understood this self-imposed distance from practical politics as the most radical form of resistance.

G. What are practical politics, in the end? At the time, turning to the personal really was the most radical form of resistance. If all the others join the rat-race, artists will protest by fleeing to the private sphere. But today, everyone is gravitating toward the “private”, so we feel the need to explore ideas of collectivity and unification, making the private public. But still, the inner world will always be the most important thing for most artists.

D. Yes, but it is necessary to understand one thing clearly: if we talk about the politicization of art today, we are talking about a certain utopian possibility of reexamining our position in society. Today’s search for points of contact and influence with society often does not take place through the mass-media or through institutional work. Instead, it is more likely to materialize as a form of direct praxis on a micro-political level. In this sense, there is a certain logic to the fact that we are distancing ourselves from the cultural industry, as it is usually understood here. How you do see the possibilities for participating in social life? Is your art capable of influencing society?

G. My projects are connected with performance. In this sense, my store is a form of prolonged performance. I work with young girls, who produce specific clothing and objects, which we sell at the store. These are not ordinary articles of clothing. Instead, these clothes express the experiences of a particular human being. Earlier on, I did everything on my own. I am sure that my artworks were reflections of the Soviet regime’s consequences, which could be described as a deficient attentiveness to feelings and to the inner world. My mother recently said, “They taught us that private life, love, and the family are not that important. The main thing is work.” There was a constant shortage of privacy and personal space. Today, I understand all of the objects that I began to make back then as manifestos of concealed desire. Later, I understood that it is more interesting to make them as the result of a collective project, since working on things together performs the role of ergotherapy. Many monotonous female tasks – such as bead-stringing, embroidery, or patch-work quilting - help to overcome the state of desperation.

Yet another, more concrete reason for this project was an old lady called Natasha Sakharova, an acquaintance of my grandmother’s. She would always come over to talk about her unhappy love. Later, she began to drink. Then her husband died. She walked the city alone with her dog, completely alone, and in the end, she became an alcoholic. From time to time, she would come over to our house. We would feed her and listen to her colorful stories about her difficult fate. One day she asked me: “Don’t you have any work for me?” And I gave her a piece of embroidery with black beads. This was very complicated to make. Before this job, everyone else had refused to give her any work at all. But she finished the embroidery and came back in a far more lucid state than usual with the demand that I give her another job. It was then that I understood that all of these things can only make sense to me if they actually help someone.

D. Both your own pieces and the pieces you are currently making together with the girls are difficult to locate in the context of fashion design, nor do they really fit into the development of contemporary art in Petersburg. They too personal and sad for fashion; for the Petersburg tradition, they are far too physiological; they are far too saturated with “menstrual blood”. Should we understand this as a political manifestation?

G. Yes. The expression of repression is my form of protest. But now, I risk being overgrown by followers...

D. This observation is very important. People usually imply that the person who gives somebody work is an exploiter. But your collective is based on a different form of relations. How you do go about constructing your work with the girls?

G. My girls don’t know what they want; they haven’t yet found their places in society; they don’t have serious personal lives. Our work is a form of unique therapy that takes place through their participation in the working process occurs. By creating something, they become participants in the creative process. I am trying to teach them how to relate to objects, situations and things creatively. The objects that we make reveal a great variety of concealed desires. For an instance, one girl will come to me and tell me “I feel so bad, so very bad”. I’ll say “let’s make a bag”. I suggest that we make a bag with an embroidered letter inside it that that says how bad she really feels. Later, she calls me and suggests that we line the bag with splinters of glass. I react and say that people will hurt their hand, which is why it might be better to use fur, and she begins to understand. This is how our therapy unfolds. Sometimes, I also give them literary tasks. For an example, a girl comes to me and begins to complain, and I suggest that she write about what is troubling her. In the process of writing and through the resulting discussion, we understand what she is capable of expressing and what she is hiding. The boundary between the private and the public becomes visible. I really like the texts

they write, most of all because they are sincere. Their writing results in special artifacts of trepidation, of their openness to the world. Most importantly, it produces a feeling of necessity, not economic necessity, although this is also sometimes the case, but simply appreciation for the fact that this process is occurring.

D. Disappointed by the art-system’s proposed framework, today’s artist is constantly trying to shift its boundaries. Although these boundaries can be shifted, they never really disappear. Yet still, it seems that the artist can be anyone she-he pleases. Which role do you play in your work? Are you a social worker, a psychologist, producer of mass events, or a fashion designer? How you do you define the project’s boundaries as art? What are its specific features in terms of aesthetics?

G. I work in traditional genres such as performance, objects, video, and installation. But the girls take part in everything. Through them, other, purely aesthetic elements will come to the forefront. For me, a young girl is something fragile but at the same time, she is very complex. She is neither this nor that yet; she is growing; she is full of chaos. Sometimes, it seems that I am working with them as raw material, which supplies purely aesthetic experiences. But since this is a mutual process, one might say that they are also working with me sometimes. I like to trace and observe the effect of these interactions in my creativity.

D. But you do see this process as your own personal form of interaction, or do you attempt to develop connections within the group?

G. At first, I place my bets on personal contact. But later, I also try to stimulate their contact among one another. But on the other hand, I understand the passivity of the girls in a situation like this – they are used to sitting around and waiting for their Prince Charming to come without doing much of anything at all. This is an attitude that we try to overcome. But it’s not that easy.

D. You talk about “the girl’s inner world”, about her “emptiness” and so on. It seems to me that when you pose the question like this, it makes us look at the girls as passive objects, which have lost their connection to society. On the other hand, you and Tsaplya have always taken on an active position; you have always constructed your relationship to society and to men as subjects that were socially active. How you do attempt to transmit this experience to the girls and how this is possible?

G. I think that it’s impossible to find a normal form of communicating with society itself without understanding yourself at least somewhat. Recently, I stumbled upon a quote by Joseph Beuys, who that “Sincerity is very important. But what does this actually mean? There is no good reason to hide your defects, your deficiencies, your wounds. You can only provoke interest and action in the world when you say: ‘I have nothing to hide!’ The truth is that my existence is faulty and imperfect. And when I show this to others, I allow the creative process to begin. It is only after recognizing and showing your wound, your imperfection, your fragmentation that you can move on and take what you are missing from the others. In general, humanity only moves forward through joint projects.”

D. Of course; nobody’s perfect and we all live in a perfect world. But to be completely irresponsible and to hope idealistically that the praxis of concentrating on inner processes will lead to perfection already sounds like contemplative religion. Look to our feminists, some of whom have proclaimed their withdrawal into the inner world, promptly becoming religious. In terms of sociality, this is a dead end. I am sure that it is necessary to examine how political and social action are made in the inner world. But on the other hand, I read an interview with one simple woman who taking part in a strike somewhere in the Russian provinces. She wasn’t worried about the development of her inner world. She was worried about surviving. And after the strike was over, having resisted the Militia, the Mafia, and the authorities, she was able to formulate the matter quite clearly: after defeating her boss at work, she wasn’t about to put up with her boss at home.

G. It is possible to act in different ways. You can approach matter from the outside if you like. But for me it is important to understand “my wound”, to accept my inner world. Only then will I be able to treat this wound in different ways.

D. But your “wound” and your inner world are constructed by society and class. This is really what you should focus on!

G. I disagree. Even religious consciousness, if it helps someone, plays an important role. I don’t think that religion is something that should be destroyed – it is also very important.

D. Yeah. As an opiate for the people.

G. No, maybe we just need new forms of religion. Maybe art is simply one of them...

D. It’s obvious to everyone that “it is base to speak for the Other”. What I like about your work is that you step back at some point and give the girls the possibility for expressing themselves on their own terms. At the same time, in your last action in the “Tram Museum”, you and Tsaplya were still meta-figures. By creating spaces for statements of subjectivity, you are actually appropriating and interpreting them. How do you see the possibilities for formulating a position where you and the girl are on equal terms? And is this even necessary?

G. I don’t see any inequality here. Our work is a collective product. This is very important. You could say that we are all pursuing a common goal. Girls like Tsaplya and I have always attempted to find new ways of opening ourselves up to public space. This simply occurs on a different level because we are artists and the girl we work with are not. But here, this hardly matters at all. If the girls were to become full-fledged artists, it might be a problem. I think that our group might even disintegrate as a result. But for now, we are working toward a common goal with different means.

D. How you do see further development of the girls in professional and personal terms?

G. I think that all people can become artists. All of the girls are very talented, clever, and kind. But I don’t want to pressure them into anything. The main thing is for them to become free people who have a better understanding of themselves. Who they will professionally is not really important. But if there were more people like those I would like to see these girls become, it would actually change the entire situation that we live in.

D. Does this have anything to do with love?

G. You know, I really love the girls. I worry about them a lot. I also really love young men. Some of the girls said that they will bring a few young men next year.

это их собственные голоса, со всем тем, что их составляет. Ведь на самом деле, есть опасность, что голос человека вообще не выработается на протяжении всей жизни, но с нашими девочками, мы надеемся, это не произойдет, потому, что у них уже есть навыки - звучать. Наша задача - создать рамку или сцену, которая, с одной стороны, придаст голосу форму, а с другой, создаст такую ситуацию, в которой девушка должна, вынуждена проявить свой голос. И это, мне кажется, очень важно, потому, что люди часто или трусят или просто не догадываются, как это делать...

Д. *Давай воспользуемся понятием “резонанса” для обсуждения этой структуры. В “Музее трамваев”, у меня сложилось впечатление, что каждый вагон, в котором одна из девушек представляла себя - “свой мир”, как она его способна выразить, становился акустической коробкой, резонирующей тому, что происходило внутри. Девушки не просто реагировали на внешние изменения, вызванные их “голосом” - его действием на поведение публики и т.п. - они также активно вслушивались в себя... Насколько важен резонанс или обратная связь в проектах подобного рода?*

Ц. Выстраивание рамок, или же пространства для “звучания” - самая важная вещь. Мы каждый раз создаем его для себя, как художники, иначе голос, как ты говоришь, не будет резонировать. Голос должен во что-то упираться, что-то очерчивать собой и возвращаться к тебе обратно. И все зависит от того, как ты эту рамку сконструируешь. Хороший пример, случай с Таней - поэтом, использующей в своих стихах предельно откровенные образы. Ее голос, мог легко раствориться на порносайтах, и никто бы не узнал, что это стихи о страстном желании любви.

Д. *То есть в эффекте резонанса важен терапевтический момент?*

Ц. Безусловно, терапия всегда резонанс. И мне очень нравится, что ты нашел это слово. Сейчас я думаю, что резонанс - это то, на чем вообще строится все наше искусство. Например, наш “Психоаналитический кабинет Белых”. Ты знаешь наших “Белых”? Это такие персонажи, в которых мы перевоплощаемся посредством надевания костюмов химической защиты. Мы очень любим работать с этими нашими героями, поскольку, когда мы Белые, то мы превращаемся в каких-то странных, пустотных персонажей, которые не сексуальны, не индивидуальны и т.д. Ты можешь прибавить еще десяток “не”. Поэтому мы можем делать все, что хотим. Так вот, благодаря своей “пустотности”, они создают условия для усиления звучания других людей, которые вовлекаются в акцию. К нам в “Психотерапевтический кабинет” приходили люди, которые рассказывали нам о своих проблемах. И когда они начинали “выделяться”, то это было смешно, им самим было смешно. Потому, что это можно делать перед Глюклей с Цаплей, но перед “Белыми”... Зачем? Потом “Белые” совещались и выписывали человеку “лекарство”. Это были такие странные и смешные предметы, которые мы нашли на блошином рынке и сопровождали инструкциями по применению. Инструкции были смешные, но одновременно, в них содержался намек на то, как “пациенту” выйти из своей проблемы. Но главная игра было в том, что мы говорили, что мы сами дать это “лекарство” человеку не можем, что он должен пойти и взять его сам. Мы выдавали пациенту карту местности, на которой был обозначен пункт, где именно находится его “лекарство”. Человек шел с этой картой и приходил, например, в продуктовый магазин или в мастерскую по ремонту колес, или в приемный покой больницы, или натыкался на группу солдат, или на нищего, сидящего на лавочке. Там он должен был сказать пароль: “Нас послали Белые” и получить свое “лекарство”. То есть, для того, что бы получить важный предмет, который возможно, может даже и помочь, во всяком случае, кто-то (“Белые”) об этом уже подумал, человеку нужно было вступить с социальным пространством в абсолютно не свойственные, непривычные отношения: не покупать что-то в магазине, а получать бесплатно, не подавать нищему, а, наоборот, спрашивать у него что-то, принадлежащее тебе, или перестать бояться группы солдат, что в России не так уж и просто. То есть, мы предлагали человеку стать уязвимым. Когда ты делаешь что-то не так, как принято или не так, как ты всегда делаешь, ты уязвим. Многие люди так боятся этой уязвимости, что никогда и не переступают через себя и не знают этой радости, когда ты открыто и смело идешь к миру, и не обязательно получаешь по голове. А даже наоборот. Это же касается и любви: ты должен найти в себе силы быть уязвимым, иначе ничего не получится.

Д. *Давай немного вернемся. Насколько я понимаю, терапия являлась с самого начала важным аспектом вашего искусства. К примеру, в самом начале ты работала с проектом “Магазин Путешествующих Вещей” (М.П.В.). Как и многое в вашем искусстве, МПВ был сосредоточен скорее на коммуникации, чем производстве художественных объектов...*

Ц. М.П.В. - это, конечно, был проект, целиком, построенный на коммуникации, на диалоге. Во-первых, он был разновидностью “психотерапевтического кабинета”: туда мог прийти только один человек и выбор одежды сопровождался серьезными разговорами о том, почему этому человеку именно сейчас нужна именно эта одежда, а не другая, и что он хочет изменить в себе при помощи этой одежды и т.д.

При этом, это был, во многом арт проект - мы делали много выставок и перформансов с вещами, находящимися на тот момент в магазине. Тогда же мы провели проект “Личные коллекции”, который сейчас мне кажется очень важным для нашего художественного развития. Мы сделали цикл выставок, в которых представили разные способы собирания и коллекционирования разных людей. Что такое твоя личная коллекция, что ты любовно собираешь? Ты собираешь воспоминания? Свои страхи? Что? Ты собираешь это затем, что бы оставить с собой навсегда или затем, что бы собрав, избавиться, наконец? Одним словом, выставки представляли собой не произведения искусства и, даже, не просто вещи, а человека, который ими владеет, его голос. Но голос не на митинге, а как он звучит в доверительной беседе. Дома, на кухне, например, лично тебе.

Д. *Меньше конфликтности, больше открытости - это характеристики женского голоса?*

Ц. Мне трудно ответить на этот вопрос. Мы, действительно, больше работаем с женскими голосами. Значит ли это, что они более открыты к общению? Наверное, да. Во всяком случае, они более готовы к игре, они более гибкие и более готовы к трансформации. Они с радостью вступают в эти “резонансные” отношения, что бы увидеть себя со стороны, увидеть себя иначе. Им больше нравится быть “отраженными”. Дело в том, что в этой “отраженности” ты не теряешь себя, ты увеличиваешь себя, ты вступаешь с другим, а через него и с самим собой в сложные отношения. Ты ставишь свой голос, ты испытываешь его возможности. Для этого, конечно, нужна смелость и желание, и, кроме того, уверенность и доверие к голосу другого, того, с кем ты резонируешь. Это, конечно, похоже на практику любви - ты отдаешь себя и получаешь вдвойне. Можем ли мы назвать это спецификой женского голоса? Я могу только опираться на свой опыт: женщины охотней вступают в такую игру.

Д. *Насколько я понимаю, эти важные для вас понятия такие как: “голос девушки”, “резонанс”, “любовь”, “уязвимость”, “слабость” и т.д. начинают развиваться с ваших ранних звуковых проектов: “Элоиза и Абеляр или Пять подвигов подводной лодки”, “Вера Засулич”, и, в пока неосуществленном проекте “Последний день Ипполита Мышкина”. Во всех этих проектах задействованы замкнутые пространства - подводная лодка, тюремные камеры, специально выстроенные боксы, в которых эффект резонанса усиливается. Вы пользуетесь этой возможностью, чтобы восстановить голоса исторических персонажей и передать драму их жизни. Этот драматизм, оказывается воплощен через многоголосие противостоящих друг другу голосов, отражающихся подобно эху в замкнутом пространстве...*

Ц. Ты знаешь, меня всегда удивляло, из какого громадного количества разных желаний, стремлений, страхов и комплексов состоит человек! И все они существуют одновременно. В нас всегда звучит многоголосье. Другое дело, какой голос именно сейчас ведет мелодию. Именно это мы хотели показать, например, в проекте “Вера Засулич”, когда поместили каждый голос в свой собственный ящик. Это были небольшие черные ящики с дверками, свободно стоящие в залах на длинных ножках. Голос звучал только тогда, когда ящик открывали. Все зависело от того, какой именно ящик ты открывал. И это было особенно интересно с Засулич, потому что она была одновременно убийцей (она стреляла в упор в губернатора Трепова, не убила, а тяжело ранила его, но это дело не меняет) но была оправданна судом присяжных, потому что они признали, что у нее были нравственные причины на этот поступок. Кстати, в отличии, от последнего позорного суда над чеченской террористкой, которая отказалась от теракта и сдалась милиции, и которую наш современный суд присяжных осудил так сурово, как будто бы она совершила это преступление. Засулич хотела привлечь внимание общества к унизительным и незаконным

наказаниям, которым подвергаются заключенные в тюрьмах. Нам было важно понять, какие голоса рвали ее на части, какой голос победил, когда она все-таки решилась на этот поступок. Это было особенно интересно, потому что известно, что на суде она хранила молчание. Я думаю, это из-за того, что она не знала, какой из голосов озвучить.

Д. *В прошлом году ты стала делать звуковые экскурсии. Хотя они решительно отличаются от ранних проектов, сделанных в рамках Фабрики Найденных Одежд, они также работают с голосами и резонирующими пространствами, но эти работы оказываются гораздо более критичными в социальном плане...*

Ц. Мне кажется, что я сейчас нашла способ дать голос самому пространству. В последних звуковых экскурсиях, у зрителя есть только плеер, Hi-Fi наушники и карта в руках. И еще есть “кусоч пространства”, по которому ведет карта. И есть два голоса: “голос реальности” (многоголосье, конечно) - это звуки, которые я записываю на местности, которые принадлежат этому месту и характерны для него. И мой голос - голос экскурсовода. Голоса эти находятся в сложных конфликтующих, резонирующих и усиливающих друг друга отношениях. Трудность таких работ заключается в том, что ты сначала должен очень внимательно исследовать этот “кусоч реальности” и выяснить, из каких голосов он состоит. Какие голоса главные, какие второстепенные? В чем противоречие? Где конфликт? Что заставляет это пространство звучать именно так? Поскольку я работаю в социальных пространствах, то получается, что в этих работах я вскрываю “социальные язвы окружающей действительности”. Лично мне нравится думать, что мои экскурсии - это уже не психотерапия, а исследование и развитие новых возможностей критического реализма.

Д. *Может быть желание терапии неизбежно ведет к жесткой критике реальности, власти, все объясняющего голоса?*

Ц. В этих моих работах всегда включен голос инструктора-учителя, который я выработала в целой серии своих методических проектов. Учителя здесь - это тот, кто знает все правила, знает как все устроено и как нужно поступать. Происходит жесткое столкновение несуществующего, но возможого идеального с тем, что мы видим в реальности. Но мой методический проект - это уже совсем другая история, которая не имеет отношения к теме газеты, которую мы себе поставили.

Factory of Found Clothes | Dialogue №2 | Tsaplya /Olga Egorova/ – David Riff

D. *In “Streetcar named Desire”, your latest action with the Factory of Found Clothes, you invited eight girls whom Gluklya has been working with recently. Although they weren’t artists to begin with, each of them brought a historical street-cars in a Petersburg tram-museum to life with their independent work, consisting of installations and performances. When we talked about this action, both Gluklya and you spoke about “giving a voice” to these young girls. What does “giving a voice” to someone mean to you? Is this simply a figure of speech?*

Ts. “To give a voice” to a girl – or to anyone else – means helping them to develop their own voice, their own means

of expression. The girls are the perfect example. They are still at a voiceless age (by the way, ‘age’ is also a metaphor for a certain state of mind). They don’t really know what their voice sounds like yet. What is it they really want to say? Which strength, timbre and fullness can they reach in doing so? Of course, we’re talking about the “voice” as the possibility for telling the world that you exist. As of yet, the girl’s voices sound uncertain, unoriginal, vulnerable. But the main thing is they are “speaking with their own voices” and all of the thing that they are made up of. Of course, there is always a great deal of danger: you might never find your voice, no matter how hard you try. This won’t ever happen to our girls, or so, at least, we hope. Because they have already developed the habit of “making themselves heard”. Our role is to supply a framework or a platform. On the one hand, this space supplies the voice with form. On the other hand, it creates a situation in which the girls NEED TO raise her voice. This seems very important to me: many people are cowards or simply have no idea how to go about saying something in a voice of their own.

D. *Perhaps “resonance” is a good way of conceptualizing this framework. At the tram-museum, every street-car served as a box for one of the girls to present “their own world” through their own means of expression. As such, each street-car was a sound-box, a body of resonance. The girls were not only paying close attention to the reactions that their “voices” provoked. They were also intent on listening to their own voices. How important are resonance or feed-back in projects like the one in the tram-museum?*

Ts. Of course, the framework or the “body of resonance” is important, if not central, anywhere. As artists, it is something that we always create for ourselves. Otherwise, our voices, to put it in your words, will fail to resonate. The voice needs to find some point of resistance. It needs to trace a contour. And finally, it will come back to you like a boomerang. All of this depends on how you construct the framework that you’re working with. Take, for an example, Tanya, one of the “girls”, a poetess whose poetry is full of the most carnal images you could think of. Her voice might have easily dissolved on porno-sites, and no-one would have ever understood that these poems are about a passionate desire for love.

D. *Does therapy always mean resonance? Is resonance also linked understanding in how far your voice is vulnerable? Does vulnerability have anything to do with recognizing your own voice?*

Ts. Of course. Therapy is always resonance. By the way, I really like this word. I’m even thinking that all of our work so far has been structured on resonance. Take, for an example, our “Psychoanalytic Cabinet of the Whites”. Have I told you about our “Whites”? These characters which we become by putting on chemical protection suits. We really love to work with these heroes, because when we become the Whites, we turn into these strange, empty personages. We have no sex, no individuality, in fact you could add any number of negations and they would all be true. This is why we can do whatever we like. Our emptiness is perfect for “amplifying” the other people involved. In the “Psychotherapeutic Cabinet”, people came to us and told us about their problems. And when they started to “share” their problems, it was actually quite funny; they were actually laughing a lot of the time. This was because they could share their problem with the “Whites” and not with Gluklya and Tsaplya. But what for? You see, the “Whites” consulted and prescribed their “patient” a “medication”. This medication consisted of a mixed assortment of insignificant objects, all of which we found at the flea-market. Each object came with instructions. These instructions were funny, but at the same time, they contained hints of how the “patient” might solve his or her problem. But the whole point of the game was that we told our “patients” that we weren’t going to give them their “medication” in person. Instead, they had to go out to look for it themselves. We gave the patient a treasure map of the surroundings, which showed where the “medication” could be found. This map took different people to different places, to the grocery store, to the auto mechanic’s workshop, to a hospital emergency room and confronted them with different people, with a group of soldiers, or with a bum sleeping on a park bench. Here, they had to say the password, which was “The Whites sent us”. And then, someone would give them their “medication”. To get an object, an object that at least someone (i.e. the “Whites”) thought might help, you had relate to your social environment in an unusual way: instead of buying something at the store, you got it for free; instead of giving loose change to the bum on the park bench, you had to ask him for something that actually belonged to you, or you had to overcome your fear and approach a group of soldiers, which - in Russia – is not as easy as it sounds. In other words, we offered you the chance of becoming vulnerable. You become vulnerable when you do something in a way that isn’t necessarily pleasant. Many people are so afraid of this vulnerability that they never overcome their fears. They’ve never ever felt the joy of stepping out into the world, of being fearless and bold, and not immediately being beaten up for doing so. This, by the way, is also connected to love: you have to find the strength to be vulnerable, otherwise it simply won’t work out at all.

D. *Let’s go back a little. As far as I understand, therapy has been an important aspect of your art from the very beginning. It was also the central component of your earliest project, the “Shop of Traveling Things” (STT). Like most of your art, the STT was focused on communication rather than the production or exchange of objects...*

Ts. Of course, the STT was a project that was entirely based on communication, on dialogue. First of all, it too was a variety of “psychotherapeutic office or cabinet”. The STT was a shop that served only one person at a time. The “client’s” choice of clothing was accompanied by serious conversations. Why do you need these clothes (as opposed to other clothes) at this exact point in time?

What are you trying to change by wearing these clothes etc.? At the same time, the STT was also an art project. We made exhibitions and performances with the objects that were in the shop at a given moment. For an instance, we had a series of exhibitions called “Personal Collections”, which I now think were very important to our artistic development. In these shows, we presented different people’s ways of collecting things. What does it mean when you say that this is your personal

collection? What exactly are you collecting with so much love? Are you collecting memoirs? Fears? Are you collecting them in order to keep them forever, or you actually trying to finally get rid of them? In short, these shows did not present artworks, nor did they simply show things; instead, they showed the people who owned these objects and their “voices”. But this wasn’t a public voice but a voice the way it sounds in confidential conversation. At home or in a kitchen, for an example, addressing you in person.

D. *Less conflictual, more open: are these characteristics of the feminine voice?*

Ts. I find it very difficult to answer this question. It is true that we work with feminine voices a lot of the time. Does this mean that they are more open to communication? Probably. In any case, they are far more ready to engage in play; they are more flexible, far more ready for transformation. They are happy to step into relationship of “resonance”, in order to see themselves from the side, to see themselves differently. They like to be “reflected”. The thing is that you don’t lose yourself in this “reflection”; instead, you grow larger, stepping into a complex relationship with the other and with yourself. By raising your voice, you hear its possibilities. In order to do this, you will need lots of bravery aside from desire, but you also need to be certain of the other voices with which you are resonating. This, of course, is similar to the praxis of love: in giving yourself away, you receive twice as much. Can we call this the specificity of the feminine voice? I don’t know. But in my experience, women are more enthusiastic about playing these kinds of games.

D. *As far as I understand, notions of like “feminine voice”, resonance, “love”, “vulnerability”, “weakness” etc. continue to develop in your earlier audio projects, such a “Heloise and Abelard or Five Feats in a Submarine”, “Vera Zasulich” as well “The Last Day of Hippolyte Myshkin”, a piece which has not been realized as of yet. These three pieces all have in common that they use resonance chambers (submarine, installation, prison) to bring historical personages and their drama to life. This drama, it seems, is that there were many contradictory voices bouncing around, like echoes enclosed in a resonance chamber...*

Ts. You know, it’s always amazed me. A single human being is made up of such a huge quantity of different desires, impulses, fears, and complexes! And they all exist simultaneously. We always contain many different voices. But which voice is leading the melody? This is the question we wanted to explore, for example, in the “Vera Zasulich” project. Each voice had its own little black box with a door, standing freely on long legs in the exhibition hall. The voice only played if you opened the box. So everything depended on *which* box you opened. And this was particularly interesting in the case of Vera Zasulich. She was a killer (she shot at Governor Trepov point-blank and wounded him heavily without killing him, actually, but this doesn’t really change much). But when she was tried, the jury passed a verdict of not guilty, because they recognized the legitimacy of her moral reasons for this act. By the way, this lies in stark contrast to the recent trial of a

Chechen terrorist who refrained from her act of terror and turned herself in to the police. The court of law condemned as sternly as if she had actually committed her crime. But getting back to Vera Zasulich, she wanted to draw society’s attention to the humiliating and lawless punishments that prison-inmates were subjected to. To us, it was important to understand which voices were tearing her apart and which voice it was that won when she finally decided to commit her act of (failed) homicide. This was particularly interesting because all we know is that she remained silent throughout her trial. I think that this is because she did not know which of her voices to use. Moreover, like all women, she understood intuitively that silence can prove to be a tremendous force. Which is why many women show their power through silence rather than speech.

D. *Last year, you have started producing audio tours. Even though they are completely different from your earlier work with the Factory of Found Clothes, they also operate with voices and bodies of resonance, but they now seem far more socially critical...*

Ts. It seems to me that I have finally found a way of lending a voice to space itself. In the last audio tours, the spectator only has a CD-player, a Hi-Fi head set, and a map. Of course, there is also the “piece of space” through which the map is leading you. And there are two voices: there is what you could call the “(many) voice(s)” of reality, consisting of sounds that I record on location, sounds characteristic of this particular space or place. And on the other hand, there is my voice, the voice of the guide. These voices are in complex relation to one another, contradicting, reflecting and amplifying one another. The trick is that you have to investigate the “part of reality” you are working with very attentively. Which voices are primary? Which voices are secondary? How do they contradict one another? Where is the conflict? What makes this space sound the way it sounds? Since I work with social spaces, these works often reveal the social ulcers of that surrounding “reality”. Personally, I like to think that my excursions are a departure from psychotherapy. They have far more to do with studying and exploring new possibilities in critical realism.

D. *Maybe therapy inevitably leads to the criticism of outer reality, of “authority”, of the narrator’s voice?*

Ts. Maybe. My audio guides always include the voice of the instructor-teacher, which I have been developing in an entire series of methodological projects. Here, the teacher is the one who knows all the rules. She knows the “order of things”, and she knows what to do. However, this non-existent but possible set of ideals collides drastically with what reality shows us. But my methodological projects are a completely different story and have very little to do with the theme we have chosen to pursue in this newspaper.

Публикация №5 - Идея и реализация: рабочая группа **“Что делать?”** | publication №5 - idea and realisation: workgroup **“What is to be done?”**
Издание было осуществлено при поддержке | This publication was realized with the generous financial support of
Национальный Художественный Музей, Осло | The National Museum of Art, Oslo
в рамках выставки | in a frame of the exhibition: “Watch Out! Art from Moscow and St.Petersburg”, Oslo; 27.05-05.09.2004
Выражаем глубокую признательность всем авторам откликнувшимся на на наши вопросы | We would like to express our heartfelt thanks to all
authors for answering our questions with so much energy and engagement.
Полные версии ответов опубликованы на сайте | Full versions of the answers are available on our web site **www.chtodelat.org**
Графика | Artwork and Layout: Дмитрий Виленский и Цапля | Dmitry Vilensky and Tsaplya

Состав рабочей группы “Что делать?” | The members of the workgroup “Chto delat?”:
Дмитрий Виленский | Dmitry Vilensky
Глюкля /Наталья Першина/ | Gluklya /Natalya Pershina/
Артём Магун | Artem Magun
Николай Олейников | Nikolay Oleynikov
Давид Рифф | David Riff
Александр Скидан | Alexander Skidan
Цапля /Ольга Егорова/ | Tsaplya /Olga Egorova/
contact: info@chtodelat.org /// dvil@surfeu.de

В оформлении использованы |The publication is illustrated with:
фотографией Клары Цеткин и Розы Люксембург | photographs of Klara Zetkin and Rosa Luxemburg /// кадрами из
фильма Дмитрия Виленского “Кричащие” | Stills from the video “Screaming” by Dmitry Vilensky /// **комикс** сделан на
основе книги Валери Соланс “Общество полного уничтожения мужчин” - в переводе О. Липовской; графика Джейм
Хернанденз | **The comic strip** is based on samples taken from Valerie Solanas, The SCUM Manifesto,1967/68; graphics -
Jaime Hernandez, Love & Rockets, 1991
Перевод | Translations: Давид Рифф | David Riff: Russian-English
Александр Скидан, Артём Магун и Д. Виленский | Alexander Skidan, Artem Magun and D. Vilensky: English - Russian
Благодарим за поддержку и сотрудничество | Many thanks to:
Ирину Актуганову, Аллу Митрофанову, Ольгу Липовскую, Тима Дойсон, Кари Брэнтзег
Irina Aktuganova, Alla Mitrofanova, Olga Lipovskaya, Kari Brandtzaeg, Tim Deussen

copyleft